

Дарья
Калыгина

www.daria-kaligina.ru

© 2016

Сукцион
в корсете

дамские приколы

Дарья Александровна Калинина
Циклоп в корсете
Серия «Сыщицы-
любительницы Мариша и Инна»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122101
Циклоп в корсете: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-09692-2/5-04-010154-6

Аннотация

Когда преступник бросился на Маришу и стал душить, она на минуту даже пожалела, что решилась на такой трюк – «вызвать огонь на себя», чтобы поймать наконец неуловимого негодяя... А начиналось все так безобидно и даже весело. Салон гаданий – магия, привороты, отвороты беды, ими самими же и придуманной, – легкий и простой заработок. Но один из клиентов взял с них слово: если их магия не спасет его от смерти, они должны найти убийцу. Она и не подействовала. Более того, при странных обстоятельствах погибла и жена этого клиента, от которой тот ждал беды. Гадания гаданиями, а свое слово Даша и Мариша привыкли держать. И вот Мариша в западне. Но прошла секунда, и в голове предприимчивой девушки созрел план...

Дарья Калинина

Циклоп в корсете

В небольшой комнате полумрак. Окна занавешены плотными тяжелыми портьерами. В неверно мерцающем свете двух толстых восковых свечей все предметы приобрели причудливые, почти фантастические формы. Ощущение ирреальности усиливали развешанные по стенам магические амулеты и прочие ритуальные предметы, которые хозяйка этой странной комнаты приобретала в магазинчике «Лавка художника».

Сама она сидела за столом, а перед ней на серебряном треножнике возвышался, переливаясь всеми цветами радуги на хрустальных гранях, магический шар. Рядом лежала потрепанная колода карт, несколько каких-то маленьких косточек, связанные разноцветные веревочки и несколько пожелтевших листов бумаги, среди которых выделялся один совсем новенький и белый, снабженный многочисленными печатями и подписями, – свидетельство того, что гадалка не какая-то шарлатанка с улицы, а человек, имеющий возможности и право вторгаться в тайны невидимого и непостижимого для других. Диплом бросался в глаза на фоне желтых страниц, выданных тайком из старинного фолианта в букинистическом магазине.

– Смерть твою вижу, – потусторонним голосом сказала га-

далка, всматриваясь в одной ей ведомые глубины шара. – Ой, какая страшная смерть! И главное – близко она. Заметь, от человека, который прикидывается твоим другом. Работаете с ним вместе, и хоть волосы у него светлые, но глаз темный, недобрый.

– Витька, что ли? – почесал в затылке клиент гадалки – молодой парень, по виду то ли начинающий предприниматель, то ли управляющий не очень крупной фирмы. – Да нет, чушь это все, зачем ему?

– Многие не верят, – оторвавшись от магического шара, строго заметила гадалка. – Дело твое, а только я тебе сейчас всю правду расскажу, почему он на тебя зло имеет. Сейчас вот карты кину и все подробно объясню. Сам всю свою судьбу наперед увидишь, обмана не будет. Поскольку парень ты молодой и холостой, быть тебе червонным королем.

И гадалка, тряхнув густой копной светлых волос, убранных под диковинный платок с вышивкой, проворно раскидала карты по столу. Затем с таким же многозначительным видом, как перед этим всматривалась в шар, она начала изучать карты. По виду женщине можно было дать лет двадцать пять, но темное свободное платье, полностью скрывавшее ее фигуру, делало ее старше и солиднее.

– Женщина возле тебя есть! – сказала она. – Молодая и красивая, а главное – богатая.

Ее последняя фраза заставила молодого человека враз отбросить свой скептицизм. А при слове «богатая» он весь по-

добрался, что не укрылось от глаз гадалки, которая хитро прищурила один глаз.

– Это же Ленка! – воскликнул пареньь.

– Вот из-за нее тебе от твоего приятеля беда и будет, – с уверенностью сказала гадалка. – Он ее для себя присмотрел.

– Так вот что этот стручок задумал. Я давно подозревал, что он на нее глаз положил, – протянул пареньь. – Но думал, что ему со мной не тягаться, рожей не вышел.

– Тут еще один мужчина, средних лет, но очень богатый и влиятельный, – сказала гадалка. – Родственник твоей невесты.

– Это ее отец! – обрадовался пареньь. – Еще бы не влиятельный, Ленкин папаша – директор нашей конторы, кто на Ленке женится, тому продвижение по службе обеспечено. Но ты меня расстроила. Я думал, что она ко мне благоволит, а она к Витьке тянется.

– Нет, ты ей по сердцу. Видишь, карты сплошь любовь и брак сулят, – уставившись в карты, обрадовала его гадалка.

Пареньь тоже покосился в карты, но ровным счетом ничего там не понял. Перед ним мелькали какие-то бубновые и трефовые девятки и шестерки. Тем не менее он понимающе кивнул, показывая, что гадалка совершенно права, но все-таки хотелось бы поподробней.

– Только зло от твоего приятеля тебя достанет, – снова огорошила его гадалка. – И баба еще какая-то коварная, через нее тебе тоже грозит беда. Но дружок твой точно черное

дело задумал, и эта коварная особа как-то с этим связана. То ли письмо от нее, то ли что-то иное, но через это беда тебя настигнет, и наступит полный крах всех твоих планов на Лену. Да и вообще...

И гадалка показала туза пик, который ловко лег у нее между как бы Витькой и червовым королем, то есть им самим. Парень тупо смотрел на карты. А слева и справа легли тем временем еще две дамы.

– Это же смерть обозначает, – тихо прошептал парень, насмотревшийся приключений принца из клуба самоубийц.

– Это ты сказал, не я, – быстро проговорила гадалка. – Ты моему гаданию не верил, а я еще в шар твою судьбу увидела. И жизнь потеряешь, и невесту.

– Как же так? – растерянно спросил несчастный жених, который враз потерял весь свой гонор и уже совершенно не сомневался в словах гадалки. – Что же мне делать?..

– Ничего теперь с тобой уже не сделаешь, – брякнула гадалка. – Крест тебе уже вышел. Раньше приходиться нужно было. Еще неделю назад помогла бы тебе, а сейчас уже все. Там, – и она многозначительно указала пальцем вверх, – тебя уже ждут. Судьба твоя переписана. В третий раз менять ее нельзя.

– Я не хочу умирать, – неожиданно расплакался парень. – И Лену я люблю. Я жить хочу. Помоги, все тебе отдам.

– Все не нужно, но спасти тебя уже никто не может, – сказала гадалка. – Заговор на смерть отменить нельзя. Можешь

к другим гадалкам или магам сходить, только настоящий маг тебе то же самое скажет, ну а шарлатан, конечно, помочь возьмется, только все без толку. Нет, исправить положение, чтобы было как раньше, не выйдет ни у кого.

– А как можно? – почувствовав в ее словах надежду, спросил парень.

– Можно еще, пожалуй, смерть разменять, – сказала гадалка.

– Это как? – не понял клиент.

– Вроде как была у тебя сотенная бумажка, а брать ее у тебя не хотели, а ты пошел в соседний магазин и наменял на нее рубликов. А потом этими рубликами и расплатился. Ясно тебе?

– Нет, – сказал совершенно потерявшийся парень. – Какие еще рублики?

– Могу смерть тебе неприятностями или болячками заменить, – сказала гадалка. – Помучаешься месяц-другой с кучей мелких бед, что на тебя посыпятся, зато жив останешься.

– А Ленка со мной останется? – насторожился парень.

– С тобой, – успокоила его женщина. – Неприятности будут бытового характера. Машина сломается, в лужу шлепнешься, квартиру обворуют, бумаги важные потеряешь, кошелек украдут... А зато твоему Витьке втрое против твоего вернется.

– Как так? – оживился помрачневший было от перечня грядущих в скором времени неприятностей клиент.

– А так, думаешь, заговор на смерть – это шуточки? Тут и колдун, и сам клиент рискует. Если заговор вовремя пресечь, то им обоим ох как плохо будет. Не скоро твой Витька из больницы выпишется. Думаю, что не раньше, чем ты свадьбу с Леной сыграешь.

– Делай, – решительно сказал парень, на которого аргумент грядущих страданий недруга подействовал лучше всех других.

– Тогда слушай. Ты, во-первых, раздобудь волос с головы твоей невесты. Потом возьми пять медных пятак, пять серебряных монет и пять золотых. Все монеты должны быть примерно одного размера. Все их нужно завернуть в носовой платок или другую вещь твоего Витьки. И принесешь это мне. А уж дальше мое дело.

– Волос и платок я раздобуду, это не проблема. А вот где мне взять медные пятаки? Сейчас ведь их уже не делают.

– Пятаки должны быть царские, – сказала гадалка. – Потом на них медь уже стали жалеть.

– Так они же большие, это получается, нужно пять николаевских десятков покупать, – сказал парень в большом смятении. – А вдруг заговор не подействует? Тогда монеты куда девать?

– Не подействует?! – разозлилась гадалка. – Ты на базаре, что ли? Торговаться решил? Ступай отсюда и помни мои слова: как навстречу тебе попадется молодая девка в синем платке на голове и черном кожаном плащике, а в руках у нее

будет пустой полиэтиленовый пакет – это смерть к тебе собралась. А если на улице увидишь пеструю пушистую кошку с черной лентой на шее, то явился второй предвестник твоей смерти. А о третьем я тебе и говорить не стану, потому как все равно его ты уже не переживешь. Иди, может, хоть это заставит тебя поверить в мои слова и в опасность, над тобой нависшую.

Услышав это, я выскочила из шкафа в прихожей, откуда мне было слышно каждое слово Мариши, уже четверть часа вешавшей лапшу на уши очередному простаку, схватила Динку и свой черный плащик, спустилась по лестнице и выскочила на улицу. Тут я усадила на видном месте Динку с повязанной заблаговременно на шее черной ленточкой, насыпала кошке горсть сухого корма, чтобы ей было чем себя занять, пока не появится клиент. Синий платок я завязала в секунду (вот что делает тренировка, в первый-то раз я провозилась не меньше минуты и чуть не проворонила клиента), затем достала из кармана полиэтиленовый пакет, встряхнула его и не торопясь стала прогуливаться по тротуару, ожидая появления дурачка.

Чтобы дать мне возможность проделать все эти маневры, Мариша наверху продолжала кипеть праведным гневом и задерживать таким образом уход клиента.

– Эх, молодо-зелено, – ругалась она. – Все-то вы в облаках витаєте, вот и гибнете молодыми. Глаза бы мои на тебя не глядели! Денег тебе жалко стало, а жизни ему не жалко.

Вижу, думаешь, что дурачит тебя гадалка.

– Да я что, я ничего, – лопотал парень. – Я ведь не отказываюсь, просто подумать нужно.

– Подумать! – возмутилась Мариша. – Ну иди, иди думай! Если вдруг сегодня что надумаешь, приходи, так и быть, прощу тебя на первый раз, очень уж девку твою жалко, Витька-то из нее все отцовские денежки выдоит, старик уже одной ногой в могиле, больше года не протянет. Все ему, убийце, достанется. А теперь убирайся! Расстроил ты меня.

Парень поспешно принялся натягивать ботинки, едва справившись со шнурками, которые каким-то непостижимым образом оказались завязаны тугими узлами и сплошь запутаны (моя работа). Недаром подставка для обуви стояла на расстоянии вытянутой руки от неплотно приоткрытой дверцы шкафа, нужно же было чем-то себя развлечь, пока Мариша карты метала.

Распутав шнурки, парень выскочил на лестницу. Квартира, которую мы с Маришей занимали под салон «провидицы Алевтины», находилась на пятом этаже в доме без лифта. Спускался парень долго, должно быть, обдумывая слова гадалки. Так и есть! Он вышел из подъезда в глубокой задумчивости, едва не налетев на меня.

– Осторожно, молодой человек, – недовольно сказала я. – Вы меня чуть не сшибли.

И я поправила платок на голове, не забыв помахать в воздухе полиэтиленовым пакетом. Парень попятился, едва не

раздавлив Дину, которая возмущенно зашипела и выпустила когти. Черную бархатную ленточку я вырезала из того же куска материи, из которого были сделаны портьеры в салоне гадалки, но мужчины таких тонкостей не просекают. Парень с недоумением пялился на Дину, затем он снова перевел взгляд на меня. В его голове явно шла напряженная работа. Наконец он сообразил, что значит наше появление, вскрикнул, повернулся и помчался обратно вверх по лестнице.

Я облегченно перевела дыхание, взяла Дину и отошла к соседнему дому, где уселась на лавочку. Там мы с Диной просидели недолго – через десять минут наш клиент вышел, сжимая в руках бумажку, должно быть, список тех вещей, которые должен был раздобыть для успешной нейтрализации заговора. Тогда мы с Диной поняли, что можем возвращаться.

– Ну и скупердяй нам попался! – такими словами встретила меня Мариша. – Ты подумай, вздумал торговаться с тайными силами. Дескать, не все ли равно, какого размера будут монеты. Медь, говорит, в царской копейке ничуть не хуже, чем в пятаке.

– А ты что? – любопытствовала я, вешая свой плащик в шкаф.

– Я спорить не стала. Пусть тащит золотые монетки диаметром с царскую копейку. Хотела бы я посмотреть, где он такие достанет.

– А когда должен вернуться?

– Я дала ему сутки. Здорово перепугался, когда вас с Диной увидел?

– Посинел весь, – сказала я. – Слушай, как-то не очень хорошо людей пугать. Он ведь теперь все время будет о смерти думать.

– Пусть подумает немножко, – пожала плечами Мариша. – Такие размышления человека только лучше делают, на добрые дела подвигают. А то он небось полагал, что смерть только к другим навевается, а про него и знать не знает. Пусть подумает, хорошо ли жил до сих пор. Я как-то вообразила, что жить мне осталось сутки. Так я за эти сутки обошла всех, кого обидела, прощения просила. И вообще была ангелом, а не человеком. Потом еще долго те сутки с удовольствием вспоминала, какая я была хорошая. Больше у меня так никогда не получалось, воображения не хватало.

В это время в прихожей раздался еще один звонок. Я снова прыгнула в шкаф. Он стоял как раз вплотную к стене той комнаты, где располагалась Мариша со своим гаданием. И как раз в этом месте стены строители с какой-то трудно поддающейся здравому смыслу целью сделали в ней вставку из фанеры, отлично проводящей звук. Кроме того, в фанере и в самом шкафу были проделаны отверстия, ловко замаскированные с Маришиной стороны легкой занавеской. Таким образом, из шкафа мне было отлично слышно каждое произнесенное в комнате слово, а сама я при этом оставалась невидимой.

Этим хлопотным и малоодоходным бизнесом мы занимались с Маришей уже две недели. С тех пор как уехали наши, а вернее, Маришины немецкие гости. Муж Мариши сдержал слово и привез специально для меня своего друга. К сожалению, у обоих иностранцев оказалось хрупкое здоровье, которое никак не выдерживало нашей среды обитания, воды, воздуха и продуктов питания. К тому же наступила осень, начались холода, хмарь, и у обоих немцев началась сильнейшая депрессия, отягощенная диареей.

Прогулки по городу под проливным дождем им не больно-то помогали. Намокшие стены дворцов и музеев с облупившейся местами штукатуркой немцев не впечатляли. Видя полное равнодушие наших гостей к памятникам архитектуры и культуры, мы решили подойти к делу с другой стороны и провести их по значным местам нашего города.

Лучше бы мы этого не делали. Попытка показать нашим гостям изнанку города закончилась полным провалом. Нам удалось заманить наших немцев в один из проходных двориков в районе Лиговки. Но, сделав несколько робких шагов в подворотню, они, истерично рыдая и цепляясь за наши колени, стали умолять нас вернуться, они боялись идти дальше, думая, что их тут ограбят, убьют и изнасилуют. Необязательно в таком порядке, но непременно все с ними произойдет. Посему они хотят домой, в Германию, прочь от засилья мафии.

В казино они идти отказались по той же причине, а после

ресторанной кухни, где мы все ели свинину от одного куска, у них начался сильнейший понос. Так что настроение у парней от пережитых тягот сильно испортилось. Паровое отопление еще не было включено, и оба немца целыми днями сидели возле окна, укутанные шерстяными платками Маришиной бабушки, пили чай с сухариками и куксились.

Они собирались погостить у нас месяц, но сбежали уже через десять дней. Единственным достижением было то, что немецкий муж Мариши согласился дать ей развод. И еще у нас осталась оплаченная до конца месяца уютная двухкомнатная квартирка, которую мы и приспособили под салон гадания госпожи провидицы Алевтины. Несколько объявлений в газетах – и народ пошел. Вот и сейчас в дверь ломились.

– Все вещи и обувь оставь здесь, – приказала Мариша. – На них слишком много грязной информации, они мне только прану загрязняют.

На этот раз клиентом оказалась женщина. Я немного ослабилась. Обычно с женским полом Мариша разбиралась сама, не прибегая к моей помощи для доказательства ее гадальческой прозорливости. Оставив сумку и обувь в прихожей, женщина прошла в комнату, а я тихонько выскользнула из шкафа и достала из сумки ее паспорт, с которого переписала домашний адрес и имя нашей клиентки.

– Ах, голубушка, – плаксиво протянула клиентка. – У меня такое несчастье. Мой муж...

– Минутку, – остановила ее Мариша. – Сейчас я раскину. Послышался шорох.

– Так, у него другая, – раздался многозначительный голос моей подруги.

– Боже мой! – ахнула женщина. – Что вы говорите, я и не знала. Вообще-то я пришла...

– И еще неприятности в делах, – сказала Мариша.

– Господи, да что же это на нас все валится. Про бизнес он мне ничего не говорил, должно быть, не хотел волновать.

– И здоровье у него пошатнулось, – выдала последнюю версию причины прихода клиентки Мариша.

– Но как вы догадались? – поразились клиентка. – Поневоле поверишь в сверхъестественные силы.

– О, это еще пустяки, – заверила ее Мариша. – Что-то меня его сердце беспокоит.

– У него сотрясение мозга, – сказала женщина.

– Это-то я вижу, это пустяки, пройдет, а вот сердце его меня всерьез беспокоит. На него навели порчу. Я даже могу сказать, это какая-то средних лет женщина из вашего ближайшего окружения, скорей даже родственница. Она позавидовала вашему семейному счастью.

– Его мать! – убежденно сказала женщина. – Только она не «средних лет», это ей так хотелось бы выглядеть, а в действительности она весьма и весьма средних лет. Злая ужасно. Как придет, так и начнет злобствовать. И все глазами по сторонам шныряет. Каждую мелочь подметит, все подсчитает,

в мою шкатулку с драгоценностями влезет, не прибавилось ли чего новенького. Только что в корзине с грязным бельем не копалась. Хотя кто ее знает, может, и копалась, просто я ее за этим занятием не заставляла.

– Вот она и навредила.

– Не может быть, она души в своем сыне не чаает.

– Она не ему вредить хотела, а вам, но у вас необыкновенно сильный ангел-хранитель, вот порча и перешла на вашего мужа, – с готовностью разъяснила ей Мариша. – Если не действовать, то он умрет.

– Что вы говорите! – ужаснулась женщина. – Как же мне быть?

Дальше все развивалось по сценарию. Но нам с Диной не пришлось на этот раз мчаться вниз, женщина поверила Марише и беспрекословно отправилась добывать по три медные, серебряные и золотые монеты. Вообще количество монет у Мариши варьировалось от трех до десяти в зависимости от кредитоспособности клиента.

– Слушай, Мариша, – вылезла я из шкафа. – Мы совершенно не используем те сведения, что я нахожу в документах наших клиентов. Нужно придумать что-нибудь такое, чтобы задействовать мою информацию во время сеанса.

Но мы не успели обсудить такую возможность, как в дверь снова позвонили. На этот раз пришли две довольно страшенькие школьницы лет по пятнадцать-шестнадцать. Стыдливо пряча глаза, девочки признались, что уже месяц любят

одного и того же парня, а он не обращает внимания ни на одну из них.

– Хотите, он влюбится в обеих и будет молча страдать, не решаясь признаться в своих чувствах? – спросила у них Мариша. – А вы будете знать, в чем тут фокус, и наслаждаться своей властью?

Дурочки хотели. Мариша пошептала на воду, дала обеим девочкам подержать бумажку, потом сожгла ее и бросила пепел в воду. Волосок парня тоже сгорел, и пепел полетел туда же, в оловянный кубок, который раньше был призом за меткую стрельбу, но потом лишился соответствующей таблички с надписью, став просто кубком.

Затем Мариша побрызгала водой на девочек, а остаток воды вылила в форточку. Фотографию парня, вырезанную из коллективного снимка класса, Мариша свернула в трубочку и положила в яблоко, которое было велено девочкам закопать ровно в полночь на перекрестке под полной луной, и чтобы где-нибудь рядом, но отдельно и не в поле видимости девочек, находился ничего не подозревающий мужчина, о присутствии которого девочки тоже не должны были знать.

Девочки оставили каждая по сто рублей и ушли крайне довольные полученным советом. Затем пришла какая-то старушка, которая жаловалась на боль в пояснице, но бабушку Мариша выставила довольно быстро, разъяснив, что болезни она не лечит, а исключительно специализируется на будущем. Таким образом Мариша тактично дала понять бабушке,

что та не ее клиентка. Пенсионеры не пользовались у Мариши почетом, так как привыкли за советские времена к бесплатной медицине и теперь у гадалки норовили получить исцеление даром. А исцелять, тем более даром, Мариша не умела.

Затем появились дамочки, которые заявили, что они бесплодны и желают вылечиться во что бы то ни стало. С них Мариша не взяла ничего, объяснив, что им может помочь хороший врач, а ее сил, увы, недостаточно. Зато она погадала и каждой посулила, что любовь мужей у них закончится вместе с рождением ребенка. Так что женщины ушли от нее в несколько двойственных чувствах. Им вовсе не хотелось потерять мужей из-за какого-то проблематичного ребенка.

Последним явился симпатичный паренек лет шестнадцати. Запинаясь, он сказал, что нашел вырезку из газеты на полу у них в классе. И там было обведено красной ручкой именно Маришино объявление. Поэтому паренек и решил, что это перст судьбы.

– Избавьте меня, пожалуйста, от двух идиоток, – попросил парень. – Они мне проходу не дают. Мы учимся в одном классе, они таращатся на меня весь день. Из-за них я не могу подружиться ни с одной девчонкой, все думают, что у меня что-то есть с этими психопатками.

– Одна черненькая с короткой стрижкой и темными глазами, а вторая рыжая и вся в веснушках? – поинтересовалась у него Мариша, припомнив приметы сегодняшних по-

дружек, которые жаловались на безразличие их общего возлюбленного.

Разумеется, при этом она не забыла посмотреть в свой магический шар.

– Так, – подтвердил паренек. – А откуда вы знаете?

Мариша многозначительно кивнула на шар.

– Не верю, – сказал паренек.

– У одной бородавка над левой бровью, а у рыжей ноги кривые, – безжалостно заявила Мариша.

Парень был сражен.

– Они тебя не отпустят, – начала свою волюнку Мариша, должно быть, парень показался ей достаточно обеспеченным, чтобы оплатить визит к гадалке. – У них в родне все вампиры.

– Ну вы даете, – рассмеялся парень. – Прямо от заката до рассвета.

– Ты совсем лох, – с сожалением сказала Мариша. – Те вампиры из сказок пили кровь, а настоящим вампирам кровь не нужна, они питаются твоей энергией. Разве ты не замечал, как тебе тяжело после того, как они на тебя целый день тарашатся?

– Вообще-то замечал, – сказал парень. – Только я не думал, что это из-за них.

– Они из тебя все соки высосут, – заверила его Мариша. – Останется от тебя одна кожура, словно от апельсина. До конца года еще больше полугода, а они к тебе присосались всего

как месяц. Тебе не выстоять против них двоих.

– Да, в прошлом году одна Лерка на меня пялилась, так еще ничего было, – начал припоминать парнишка. – А в этом году Танька тоже к ней прилепилась. Так просто ужас какой-то. Я прямо затылком их чувствую, у доски отвечать не могу, все забываю. Что же мне делать?

Этого-то вопроса и ждала Мариша. Она подробно объяснила парнишке, что борьба с вампирами – дело очень ответственное и не всякая колдунья возьмется за это, так как это отнимает много сил и она не успевает помогать остальным своим клиентам. Но она, уж так и быть, поможет парню.

После этого Мариша принялась вдохновенно прыгать по комнате, сорвав с себя платок, распустив волосы и вытаращив глаза. Мне все это было хорошо видно в небольшую дырочку в ковре. Зрелище не для слабонервного юноши, вконец затерроризированного двумя соученицами. Рост Мариши приближался к двум метрам, телосложения она была богатырского, а ее волосы напоминали копну зрелой пшеницы. Попрыгав вокруг парня, Мариша вдруг выплеснула на него из ковша немного холодной воды, которая прямиком угодила парню за шиворот. Затем она слегка треснула его включенным радиатором. Тот взвыл, снизу застучали соседи, а я давилась в шкафу от смеха.

– Все, теперь останут, – заверила его Мариша. – Я переключила их с тебя на вот этот радиатор. Пусть электрической энергией подпитываются. Только ты должен так себя вести,

чтобы они ничего не заподозрили. Смотри на них почаще, желательно глупо при этом улыбайся.

– Я не умею глупо.

– Ну-ка улыбнись, – скомандовала ему Мариша.

Парень улыбнулся.

– Ничего, сойдет, – похвалила его Мариша. – И время от времени пиши какие-нибудь записочки, глядя при этом поласковее на вампириш. Но записки им не отправляй, а рви.

– А зачем?

– Ты хочешь школу закончить или хочешь инвалидом остаться? – набросилась на него Мариша. – Делай, как я тебе говорю. И еще...

– А о чем записки? – перебил ее парнишка.

– Ни о чем, ты же все равно не станешь их отправлять, – сказала Мариша. – А я буду каждый день следить, чтобы они к тебе снова не присосались. Ну вообще-то, пока работает мой обогреватель, тебе беспокоиться нечего. Но только вот выключать его ни на минуту нельзя, а то вампириши живо заподозрят неладное. А он у меня уже старенький, боюсь, не выдержит такой напряженной работы.

– А другой нельзя?

– Можно, но только у меня другого нет, – сказала Мариша.

– Купите новый, у меня есть деньги, – заторопился парень. – Мне папа дал на новый музыкальный центр. Но я попрошу у него немного еще. А вы вот, возьмите.

И он положил на стол две тысячи, понятное дело, рублей.

Видать, девчонки его вконец достали. После ухода порозовевшего и повеселевшего парнишки я снова вылезла из шкафа. На этот раз окончательно, приемные часы закончились. Пришла пора отправляться по нашим позавчерашним и еще более ранним клиентам, которым Мариша уже спасла жизнь и сняла заговор на смерть в обмен на маленькие неприятности, которые должны были с ними начать случаться.

Так как Мариша была трогательно щепетильна и всегда выполняла то, что обещала, нам каждый вечер приходилось тратить по несколько часов на выдумывание и претворение в жизнь этих самых «маленьких неприятностей». Хорошо еще, что у нас была машина и адреса наших клиентов. А сами неприятности приходилось придумывать заранее, и моя фантазия уже начала давать сбои.

– Кто там у нас первый? – спросила Мариша, хватаясь за руль машины.

– Борисов, – прочитала я список из пяти фамилий.

– А, это такой толстый дядечка с бородкой, – вспомнила Мариша. – Жена у него решила уйти к другому, а он ей развода не давал, вот она и решила действовать с помощью черной магии.

– Это ты ему так сказала, – напредила я ей.

– Запомни, – наставительно сказала Мариша, – человек чаще всего отлично знает, почему ему так неудобно в последнее время. Только знание это скрыто у него в подсознании, а я помогаю ему его оттуда извлечь. Так что можешь

быть уверена, любовник у его жены точно есть. И от толстого зануды-муженька она мечтает избавиться. Ее останавливает лишь то, что она не работает и находится на содержании супруга, а любовник наверняка нищий.

– Почему нищий?

– Потому что богатый человек очень редко бывает молодым и красивым, – пояснила Мариша. – Если богатый, то урод. Жизнь – штука справедливая. А менять шило на мыло, то есть одного богатого урода на другого, жене нашего Борисова нет смысла. Так с чего начнем?

– Можно измазать мелом его дверь, – предложила я.

– Отлично, – одобрила Мариша. – Мела у нас как раз навалом. Дальше что?

Дальше по списку шла чета Ануфриевых. Сын у них привел в дом невестку, которая мечтала свести в могилу обоих стариков. То есть это они так считали, но мне показалось, что бравая чета сама любую невестку, и даже не одну, легко сгноит в минимальный срок.

– Взломаем им гараж, – предложила я.

– А вдруг машину угонят? – испугалась Мариша.

– Ну и плевать, зачем им две машины? – сказала я.

– Две?

– Ну да, помнишь: несчастная, истерзанная гадкой невесткой свекровь сказала, что муж обещал подарить сыну машину, но потом решил не дарить из-за его плохого поведения. А парень и на права сдал, и вообще очень надеялся, но папа-

ша только обещал каждую неделю, а сам ни дарственной, ни доверенности так и не оформлял. Машина и стоит во втором гараже уже полгода. И парню не отдают, и сами не пользуются.

– Терпеть не могу, когда наобещают, а сами обманывают, – зло сказала Мариша. – Думаю, что можно даже сделать звонок в налоговую. Уверена, что у папаньки не все в порядке с бумагами на работе. У него ведь частная фирма? Может, налоговая ничего и не найдет, но уж нервы папане попортит.

Перепачкать мелом дверь было делом двух минут. Он разлетелся белым облачком, которое быстро осело не только на дверь, но и на пол и стены вокруг квартиры Борисова. Мы добавили еще немного водоэмульсионной краски, чтобы ветренная жена подольше убиралась, может, и к любовнику опоздает.

Потом мы поехали к дому Ануфриевых. К счастью, во дворе стояло всего четыре гаража. А глава семьи проболтался Марише, что ему сказочно повезло купить гараж прямо во дворе, он на радостях его сразу и покрасил. Только один из гаражей сверкал свежей краской. Кусачками перекусить дужку замка и распахнуть дверцы было делом секунды. Сигнализации на гараже не имелось, поэтому обошлось без шума, гама и ненужной помпы.

Следующим в списке стоял довольно неприятный мужчина, у которого были проблемы с потенцией, и он подозревал в порче свою тещу, которая его откровенно ненавидела.

Мужчине мы разбили одно стекло, благо квартира располагалась на втором этаже и окно было уже с трещиной. В списке оставалось двое: молодая женщина, у которой гулял муж, и молодой муж, у которого гуляла жена. Обоим мы послали телеграммы с соболезнованиями о кончине их дорогих половинок.

На завтра у нас были заготовлены фальшивые счета на многотысячные телефонные разговоры, нападение взбесившихся животных, роль которых должны были исполнять Маришины дворняги – Белка и Стрелка. К одному из клиентов на заре в комнату должен был влететь огромный черный ворон, а второго ждал небольшой погромчик дачного участка и визит лейтенанта милиции по подозрению в организации притона. Звонок обеспокоенных этим обстоятельством соседей предполагалось сделать завтра.

– Слава богу, что сегодня пришлось только двоих от смерти заговаривать, – простонала Мариша. – У меня уже фантазии не хватает.

– Молодому карьеристу, задумавшему жениться на дочери директора, можно с помощью протянутой через лестницу веревочки устроить легкое сотрясение мозга или перелом ноги, – сказала я. – Может, пока он лежит в больнице, девушка одумается.

– А тетке, которую поедом ест свекровь?

– Тетку жалко. И муж у нее неплохой, работает от зари до зари. Зря ты про любовницу сказала.

– Да есть у него любовница, – отмахнулась Мариша. – Все они такие. А если сейчас нет, то раньше была. Или, в конце концов, потом будет. Не бывает безусловно верных мужей. Можно устроить им короткое замыкание в доме, украсть половичок из-под двери или срезать звонок на худой конец.

– А что делать с теми, что вчера приходил? – спросила я. – Эти двое «смертников».

– Да, они еще и сорваться могут, пожадничают, – сказала Мариша. – Сегодня вечером все ясно будет.

Скрупулезно записав сегодняшние гадости и гадости, запланированные нами на завтра, мы вернулись домой, чувствуя себя измотанными вконец.

– Нелепо как-то, – сказала я, жуя в машине купленный у торговки пирожок с картошкой. – У людей и так жизнь из-за дорогих родственничков нелегкая, а мы им еще неприятностей подбрасываем. Нелогично. Давай с этим кончать, а?

– Сразу видно, что ты не знаешь людей, – сказала Мариша. – Сейчас они уверены, что все эти неприятности, которые валяются на их головы, не что иное, как спасение их от смерти. А если с ними ничего не будет случаться, они явятся сюда и устроят мне скандал, мол, мое колдовство не действует, а сама я мошенница. Еще и деньги свои назад потребуют. И не посмотрят, что в моем дипломе об окончании Высшей школы белых магов по всем предметам выставлены сплошные пятерки. И мое звание магистра белой магии первой степени добыто честным трудом. Такие разорвут в клочки вме-

сте с дипломом, пятерками и званием.

– А ловко у нас диплом получился, – сказала я.

– Конечно, – сказала Мариша. – А вспомни, как гонялись за глянцевым листом чистой бумаги с водяными знаками. Парочку печатей занять было совсем просто. Голографических наклеек полно на всех бутылках со спиртным. Капля сургуча, ленточка за пятьдесят копеек, и документ приобретает неотразимый вид.

За разговорами мы не заметили, как подъехали к нашему дому. На лестничной площадке стоял один из вчерашних клиентов. Очень симпатичный мужчина, правда, без капли мозгов, но внешности эта особенность не портила. Мариша прошла первой, а я поднялась в квартиру немного погодя, мне вовсе не следовало сталкиваться с этим мужчиной сегодня, так как вчера он видел меня возле дома с пустым полиэтиленовым пакетом в руках и в синем платке на голове.

Когда я проскользнула в оставленную Маришей приоткрытой дверь, то услышала, как мужчина громко сказал:

– Я решил! Сил нет больше терпеть эту гниду.

Гнидой, насколько я помнила, был его начальник, нагло уводящий у своего подчиненного, служившего у него шофером и охранником, жену, которая вовсе и не была против, а наоборот, всячески поощряла начальника и бесстыдно изводила мужа. И повод для ее отсутствия вероломная парочка измыслила какой-то дурацкий: вроде бы она больна, а он, то есть начальник, устраивает ее на лечение то в одну доро-

гую и престижную клинику, то в другую. Но почему-то это устройство занимало у них все больше и больше времени, что мужу совсем не нравилось. Вот он и пришел к гадалке, чтобы та растолковала, что ему теперь делать, как отвадить начальника от его жены.

– Очень хорошо, – одобрила Мариша. – Теперь нам предстоит самая ответственная часть работы. Мысленно вы должны представить себе образ своего врага и пожелать ему, чтобы все зло, которое он желает вам, вернулось бы к нему.

– Это жену, что ли? – спросил мужчина.

– Ее, – подтвердила Мариша. – А также начальника. Потренируйтесь, а я пока заговорю те вещи, которые вы принесли.

И она проворно забормотала над кучкой монет, женской щеткой для волос с несколькими волосинками и новеньким органайзером из дорогой пахучей кожи. Мужчина в это время сидел с закрытыми глазами и усиленно представлял себе свою жену в объятиях шефа или что-нибудь еще столь же малоприятное, потому что мужчина скрежетал зубами и обессиленно стонал.

Собственно говоря, он был ненамного старше нас с Маришей – лет двадцати восьми, от силы тридцати. И выглядел он молодо, был отнюдь не изнурен работой и жизнью вообще. Мне показалось, что его волнует не столько измена жены, сколько ее возможный уход. А если бы он был уверен, что она, имея любовника, никогда не покинет своего закон-

ного мужа, то он был бы таким положением вещей вполне доволен.

Наконец Мариша закончила бормотать. Выплеснув на клиента по привычке немного воды из металлической чаши, которая сегодня заменяла кубок, и дождавшись, пока он перестанет отфыркиваться, она сказала:

– С этой минуты вы можете не беспокоиться за свою жизнь. Но для закрепления результата я каждый день должна буду повторять заговор. Ваше присутствие не понадобится, но все эти вещи должны остаться у меня, – и она указала на монеты, щетку для волос и органайзер.

– Все? – забеспокоился мужчина.

«Ну вот, начинается, – вздохнула я про себя в своем шкафу. – И этому монет жалко, а ведь казался таким симпатичным».

Но оказалось, что на этот раз я ошиблась. Мужчине был нужен всего лишь органайзер.

– Шеф забыл его в машине, – пояснил он. – Но боюсь, что уже хватился.

– Ладно, хватит и одной странички, – великодушно разрешила Мариша, вырывая один из последних листков. – Любая вещь сгодится, лишь бы ее брал в руки ваш враг. Листок даже лучше, к нему никто другой не прикасался.

Осчастливленный шофер ушел, оставив у нас на столе семь николаевских десятков, семь польских монет с изображением какого-то Сигизмунда Второго, а также семь медных

трехкопеечных монет. Кроме того, от себя лично шофер добавил еще двести долларов и посулил столько же по истечении месяца, если Маришино колдовство подействует и он останется жив.

– Не надо, – попробовала запротестовать Мариша.

– Пусть, я так решил, – сказал мужчина. – Если вам не удастся мне помочь, то деньги мне все равно не понадобятся.

После этого он ушел, оставив меня сгорать от стыда в своем шкафу за то, что мы обманули такого доверчивого и щедрого человека, который к тому же был хорош собой. В это время раздался звонок в дверь, оказалось, что это вернулся наш шофер.

– У меня есть только одна просьба, – сказал он Марише. – Вы только, ради бога, не обижайтесь, вроде я не верю в ваши силы, но если вдруг я умру – машина там на меня наедет или кирпич на голову, – то вы накажите, пожалуйста, моих убийц. Больше я ни к кому не могу обратиться, все другие решат, что у меня крыша поехала.

– Все будет хорошо, – заверила его Мариша. – Не придется никого наказывать.

– Не знаю, – покачал головой шофер. – В последнее время мне все чаще снятся тяжелые сны. И вроде бы ничего страшного в них нет. Бабушка снится, отец-покойник, мать. Но все они зовут меня к себе, говорят, что соскучились. Люди говорят, что это вроде бы к смерти?

– Все будет хорошо, отгоню твою смерть, а родственникам

придется тебя еще немного на том свете подождать, – бодро сказала Мариша, дружески перейдя на «ты».

– Так я вам сразу же оставлю еще пятьсот долларов, – сказал парень.

– Нет, не возьму, – решительно отказалась Мариша. – Не смейте.

– Умоляю вас, – чуть не заплакал мужчина. – Если все будет хорошо, то вы мне их вернете. Я не уйду, пока вы не согласитесь их взять.

Даже я в своем шкафу поняла, что и в самом деле не уйдет. Мариша тоже это поняла, взяла деньги, и уже совершенно счастливый гость ушел.

– Мы будем последними тварями, если присвоим эти деньги себе, – сказала я, вылезая из шкафа.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутилась Мариша. – Вернем мы ему эти деньги. Адрес его у нас есть. Конечно, через месяц нас тут уже не будет, квартира ведь числится за нами только до пятого ноября, но вышлем. Какие проблемы! Лучше подумай, как бы нам ему завтра доказать, что мой заговор действует и опасаться ему теперь стоит; скажем, что он разобьет машину шефа. Насколько я знаю, он эту неприятность уже поимел два раза и без всякого колдовства. Водитель из него аховый. Лично я бы такого олуха к себе на работу не взяла, а уж доверить ему свою драгоценную персону – такое мне и в страшном сне не приснилось бы.

Но, несмотря на принятое решение вернуть деньги чест-

ному шоферу, на душе у нас было все равно как-то муторно. Клиенты больше в этот день не пришли, мы поужинали купленными по дороге пельменями со сметаной и улеглись спать. Завтра все начиналось сначала – с утра прием новой партии клиентов, а потом реализация очередной партии «мелких неприятностей».

За день мы с Маришей приняли трех совершенно сумасшедших теток, от которых ушли мужья и которые хотели этих мужей вернуть. Совершенно, кстати, непонятно почему, так как, по словам самих женщин, других таких подлецов и негодяев трудно было найти. Мариша пообещала им скорое возвращение супругов, а в крайнем случае отличную им замену, я догадывалась, из кого она собирается вербовать добровольцев. Так как в промежутках между брошенными женами приходили жены, у которых мужья были, но которые страстно мечтали от них избавиться, так как сил терпеть этих трутней и алкоголиков у бедных женщин уже не было.

– Знаете, – проникновенно говорила одна, – я вот думаю, а не сходить ли мне к его бывшей жене. Может быть, она захочет взять его обратно. Как вы думаете, получится?

– Вряд ли, она ведь знает, что это за сокровище, – усомнилась Мариша. – Но не отчаивайтесь, карты говорят, что скоро вам удастся от него избавиться. Ему встретится одинокая женщина, которая уведет его от вас.

– Боже, какое счастье! – вскричала клиентка. – Милочка,

а нельзя ли сделать, чтобы эта благодетельница встретила
ему побыстрее?

– Завтра или в крайнем случае послезавтра, – заверила ее Мариша. – Оставьте мне его фотографию, я с ним поработаю, и все устроится. В каком районе он у вас работает? Ездит на метро, конечно? Раз пьет, то на машину скопить ему не удалось.

К тому времени, когда нам пора было ехать по нашим делам, Мариша уже успела созвониться со всеми брошенными женами и дать им подробные указания, где они смогут завтра встретить мужчину своего сердца, подробно описав его внешность по фотографиям, оставленным женами «суженых».

– Это ваша судьба, – вещала она в трубку. – Ваше замужество было роковой ошибкой, если бы ваш муж не ушел от вас, то вы бы погибли. Он выкачивал из вас по капле всю жизненную энергию. Разве вы сами этого не чувствовали? В скором времени вас ожидала бы клиника, а затем и могила. Благодарите своего ангела-хранителя, он у вас очень сильный, что он уберег вас от гибели. А вот тот мужчина, которого вы встретите завтра на автобусной остановке 27-го маршрута около девяти утра (или возле метро в шестнадцать тридцать, или в рейсовом автобусе 11.05 на Вырицу), и будет вашим талисманом на всю дальнейшую жизнь. Берегите его, это шанс, который бывает только раз в жизни. Может быть, сначала он вам не приглянется, но поверьте, именно

он предназначен вам судьбой. А если он будет небрит или в плохо поглаженной рубашке, так ведь и ему пришлось нелегко. Ему тоже приходилось жить с женщиной, которая была совершенно ему чужой.

– Тебе не стыдно? – спросила я у нее, когда она закончила обрабатывать клиенток. – Из-за каких-то ста рублей ты испортишь жизнь трем милым одиноким женщинам.

– Вот именно – сто рублей, а что они хотели, чтобы я им за эти деньги принца датского разыскала и под ноги подбросила? – возмутилась Мариша. – Пусть радуются, что хоть такие нашлись. С мужиками сейчас туго, а теткам всем уже сильно за сорок. В таком возрасте любому замухрышке будешь рада. А тем более мужики все более или менее домашние. Один вон даже военный в отставке.

– Так он же пятый год не работает, – не удержалась я. – А жена говорила, что он страшный бездельник и обжора. Сжирает он свою пенсию, ее зарплату и стипендию сына. Чтобы им с ребенком не умереть с голода, ей пришлось освоить массаж, и она бегает по больным до позднего вечера.

– А ты заметила, что я подсунула его женщине, которая работает завпроизводством в ресторане? – спросила у меня Мариша. – Уж она его ворованными продуктами до отвала кормить будет. И у нее дача есть, а в земле мужик охотно ковыряется. И квартира у нее есть, не нужно будет по судам таскаться.

– А что алкаш? – не удержалась я. – Ты видела, у его же-

ны фингал под глазом тональным кремом замазан и на запястьях синяки.

– А ту бабищу, которой я его сосватала, ты не разглядела? – спросила Мариша. – Таковую попробуй ударь – не обрадешься. Танк, а не женщина.

Это я была вынуждена признать. В любом случае препираться у нас времени не оставалось. Мы и так уже опаздывали. Тетки сегодня попались болтливые, поэтому с ожидаемыми нашими клиентами неприятностями следовало поторопиться.

Объезжать клиентов мы начали по списку. К двум первым завернули на дачи, где в одном месте ловко спилили дерево, которое упало на ветхий сарайчик, окончательно доконав его, а во втором домике взломали замок и вытащили газовую плитку, которую и спрятали в туалете.

Выслали еще по одному адресу телеграмму, затребовав немедленного возвращения столового серебра, украденного у гражданки В. И. Азербековой. А также сфабриковали парочку повесток в суд, благо бланки Мариша приобрела в том же месте, где и бланк для своего липового диплома магистра белой магии. Затем мы состряпали одно угрожающее письмо и одно письмо любовное, разослав их по адресам.

Неприятность произошла с нами в предпоследнем месте, где мы должны были положитьдохлую крысу на коврик перед дверью. Но мы увидели, как наша клиентка вместе с мужем выходит из машины, оставив ее на какое-то время без

присмотря. Тут Марише отказало чувство меры, и она направилась к машине прежде, чем я успела ее остановить.

– Куда ты, сумасшедшая? – только и прошептала я ей вслед, но боюсь, что она меня не услышала.

Совершенно обнаглевшая от безнаказанности Мариша в упоении ковырялась в дверном замке машины, когда из подъезда вышел муж. Сначала он оцепенел, потом... потом я выскочила из машины и завопила, сама не помню что, но, как бы то ни было, Мариша оторвалась от своего занятия и оглянулась. Увидев мчащегося на всех парах к ней мужчину, моя подруга дернулась было, но поняла, что ей не убежать, впрочем, как и мне незачем спешить к ней на помощь.

Я не могла разглядеть из-за разделявшей нас машины, что же там точно произошло, но мужчина, не добежав до Мариши двух шагов, внезапно согнулся, словно ему в пах угодил носок твердой модельной туфли. Так оно, должно быть, и было. Во всяком случае, схватить Маришу он больше не пытался. А моя подруга, небрежно отпихнув его в сторону, вышла победительницей из схватки. Но она недооценила мужика. Он оправился довольно быстро. И когда мы селись в машину, из-за кустов появилась его перекошенная от злобы физиономия.

– Плохо дело, – сказала Мариша, нажимая на газ. – Эта рожа видела нашу машину. Ты не обратила внимания, номер он запомнил?

– Не знаю, – сказала я. – Должен был запомнить. Иначе

зачем он поперся за нами?

– Плохо, – повторила Мариша. – По номерам ничего не стоит вычислить ее хозяйку.

– Но ты же ничего не украла у него, – сказала я. – С чем он пойдет в милицию?

– А кто сказал, что он пойдет в милицию? – удивилась Мариша. – У таких мордovorотов всегда найдется в запасе пара-тройка дружков. Явятся и поколотят стекла в моей машинке. Или еще что-нибудь. Да и адрес наш, где мы гадали, он может у жены вызнать.

– Машину на платную стоянку поставим, – решила я. – А на ту квартиру больше не поедem. Все равно уже надоело людей дурачить.

– Ладно, – вздохнула Мариша. – Есть одна стоянка возле маминого дома. Я ведь ей с собаками обещала погулять, она куда-то в гости собралась. И если не возражаешь, давай отложим визит к нашему шоферу на завтра. Ничего с ним не случится за один день. А то я сегодня уже что-то морально не в форме.

Я с радостью согласилась. Мариша довезла меня до моего дома, а сама отправилась вместе с Диной к себе. В наш импровизированный гаdальный салон ехать как-то не хотелось. Но на следующий день мы все-таки отправились на квартиру, где занимались гаданиями, чтобы забрать кое-какие вещи. Внезапно в дверь раздался звонок. Замотав голову платком, Мариша открыла. На пороге стоял вчерашний мужик,

которому Мариша здорово заехала промеж ног.

– Ты гадалка? – довольно невежливо обратился он к Марише. – Ты чего моей жене про меня наплела? Будто ей жизнь сокращаю? Я вот тебе сейчас сокращу.

И мужик угрожающе направился к Марише. Я немедленно вылезла из шкафа.

– Подкрепление! – почему-то обрадовался мужик. – Очень кстати. Мошенницы!

– Сам мошенник! – невозмутимо ответила Мариша. – Жене изменяешь, любовница у тебя, подговаривает квартирку себе отсудить. Мол, жену ты в коммуналку прописал, так пусть там и сидит. Мало ли что квартира на ее деньги куплена была.

– Не твое дело! – рассердился мужик, но видно было, что Маришины слова попали не в бровь, а в глаз. – Квартиру нам ее родители на свадьбу подарили.

– Ну, конечно, чтобы ты со своей новой женой там жил, – усмехнулась Мариша. – Я ведь и про твои грешки на работе знаю.

Но вместо того чтобы испугаться окончательно, мужик расsvирепел.

– Я тебе жизнь мигом сокращу! – рявкнул он, делая попытку схватить Маришу.

Ему это не удалось, в его руках остался только платок. Рассмотрев Маришу получше, он сделал еще одно открытие:

– Так это ты вчера у меня в машине ковырялась?! – воз-

мутился он. – Мошенница! Возвращай деньги! Пять золотых николаевок, что жене в наследство остались.

– Ей и верну, – заявила Мариша. – А тебе ни за что. Очень нужно, чтобы ты своей любовнице на них подарочек купил.

– И не подумаю! – в сердцах выкрикнул мужик.

И мы почему-то ему сразу поверили. Такой действительно гроша ломаного не подарит. Напрасно любовница надеется, что ей от него какой-то навар будет. Такой тип только под себя все гребет. Но это их личное дело, а наше терпение лопнуло. Мужик продолжал требовать вернуть деньги за гадание, деньги за снятие заговора, деньги за попорченный замок на машине и еще какие-то деньги, но мы его уже не слушали. Мариша схватила его за лацканы пиджака и понесла к дверям. А я шла следом и отцепляла его руки от стен, за которые он хватался, пытаясь удержаться в квартире.

– Тьфу на тебя, прострел тебе в спину, – пожелала ему на прощание Мариша.

– Я еще вернусь, и не один, – посулил мужик, злобно оглядываясь на нас.

– Что я говорила, гадальный салон обязательно нужно открывать подальше от собственной норы, – сказала Мариша, захлопывая за ним дверь. – Кончилась наша спокойная жизнь. Пора съезжать отсюда.

Это было ясно и без ее слов. Мы быстро собрали все свои вещи, которых за три недели успело накопиться не очень много, а также списки, по которым нам полагалось достав-

лять людям мелкие неприятности для их же спокойствия. Затем заперли квартиру и уехали.

– Ну и ладно, все равно срок аренды кончался, – сказала Мариша. – А заработали мы не так уж и плохо. Остается только обратить монеты в живые деньги, и сможем прожить пару-тройку месяцев. А там еще что-нибудь подвернется.

Но это «что-нибудь» подвернулось значительно раньше и совсем не то, что имела в виду Мариша. Я как чувствовала, что не надо нам продолжать ездить по нашему списку, и долго отказывалась. Может быть, на меня пагубно повлияла сцена с разгневанным мужиком, но я проявила выдержку и согласилась на Маришины уговоры только после двух часов пререканий (случай сам по себе небывалый), да и то лишь после того, как она пригрозила, что поедет одна и влипнет в какую-нибудь историю похлеще вчерашней стычки.

Но как бы то ни было, весь день у нас с ней был свободен. Ездить с мелкими гадостями лучше всего под покровом ночи и с замазанными номерами. Желательно еще и на чужой машине, но где найдешь охотников одолжить свою тачку Марише, когда ее умение влипнуть в различные передраги всем ее знакомым отлично известно. Поэтому мы плюнули на эту затею и посвятили весь день попыткам натренировать Стрелку приносить нам различные вещи.

Смело могу сказать, что в этом мы достигли некоторого успеха. Стрелка, среднего размера дворняжка, упорно изображающая из себя дикую собаку динго, к дрессировке во-

обще была несклонна. Нет, знать команды она знала, но добиться от нее их выполнения было делом почти невозможным. Не помогало даже гастрономическое подкрепление в виде сосисок и обрезков сырого мяса. Стрелка делала вид, что валится без сил на пол, норовя при этом упасть поближе к тарелке с лакомством. Потом она хватала приглянувшийся ей кусочек и была такова.

Но сегодня Стрелка пребывала в хорошем настроении, и к тому же нам удалось втолковать ей, что мясо она получит только в том случае, если будет слушаться. А нет – трескай, голубушка, кашу. Стрелка живо смекнула, что Маришиной мамы, которая всегда за нее заступалась, дома нет, а с нас и в самом деле станется весь день пичкать ее холодной, совершенно мерзкой на вкус кашей. После этого обучение пошло на лад, и день пролетел незаметно.

Трое крепких мужиков вплотную приблизились к парню с лихо торчащими во все стороны вихрами. Тот явно не был рад видеть эту троицу, хотя и прекрасно их знал. Окружив парня, мужики молча уставились на него. Их позы, а главное, выражение лиц не требовали комментариев. И так было ясно, что сейчас произойдет.

Парень с тоской оглянулся по сторонам. Увы, его застали врасплох, а прохожих, способных ему помочь, не наблюдалось. Две тетki боязливо прошмыгнули у него за спиной – их дело сторона. Трое мальчишек школьного возраста с лю-

бопытством покосились на взрослых, но тоже прошли мимо.

– В последний раз спрашиваю, где она, кретин? – подступил к вихрастому самый главный. – Тебе время до вечера было дано. А ты чем занимаешься? На скамеечках сидишь?

– Крыса, да ты погоди, – залепетал вихрастый. – Знаю я, где она. Мне только туда не добраться. Дверь никто не открывает.

– Ты мне мозги не пудри, – прорычал главарь, поразительно смахивающий на гориллу, если бы она напялила кожаное пальто. – Говори где, мы сами заберем. Нам и дверь не помеха.

– Я покажу, – согласился вихрастый. – Это здесь, во дворе. И он пошел вперед, все трое тяжело повалили за ним. Вместе они поднялись по грязной лестнице «хрущевки» и остановились перед деревянной дверью второго этажа.

– Всего-то, – пренебрежительно хмыкнул главарь, разбежался и врезался в дверь плечом. Дверь, как ни странно, устояла, а главарь отлетел в сторону. – Железо, – уважительно протянул главарь, потирая плечо. – А ну-ка, вдвоем попробуем.

После massированного удара двух мощных тел дверь вздрогнула, но даже не прогнулась.

– Еще разок! – скомандовал главарь, но тут вмешалась судьба в лице мелкой старушки, выскочившей из квартиры напротив.

– Это что же вы, подлецы, делаете? – взвизгнула она. – Я

сейчас милицию вызову!

И прежде чем кто-то из мужиков успел ее схватить, она поспешно юркнула в свою крепость.

– Хулиганы, я уже набираю номер! – вопила старушенция из-за двери.

– Бабка, не дури, – посоветовал ей главарь. – Чего лезешь не в свое дело? Сиди тише, проживешь дольше.

– Как это? – опешила бабка. – Оля, ты слышишь, они не верят, что та квартира моя.

– Конечно не твоя! – закричал вихрастый. – Тут другие люди жили.

– Сдавала я ее, сегодня освободили, – заявила бабка уже немного спокойней. – Вам что, мои съемщики нужны?

– Нужны, бабуленька, очень нужны, – заверил ее главарь.

Бабка открыла дверь, еще разок осмотрела всю банду и нерешительно произнесла:

– Вообще-то я их в глаза не видела. Сдала квартиру через фирму, а мне позвонили оттуда и сообщили, что квартира освободилась. Я ее решила снова сдать, но вот сегодня пришла проверить, как тут, все ли в порядке. Мало ли, забыли чего или, напротив, уперли. Я и уборку сделала. Мусора накопилось, не приведи господь.

– Бабка, – проникновенно сказал главарь, – ты в какую фирму квартиру сдавала?

– Сейчас, милоч, – сказала совершенно успокоившаяся бабка. – Заходи, я тебе название и телефон запишу.

Она вылезла от соседки и открыла дверь в свою квартиру. И все четверо прошли за ней следом. Их ждало полное разочарование. Квартира была пуста и стерильно чиста. Бабка не обманула. Искать тут было нечего. Бандиты взяли адрес агентства и номер телефона бабкиного агента и ушли.

Мужчина средних лет стоял на перроне пригородной электрички и мрачно разглядывал толпу. Одет мужчина был элегантно и дорого, как бы попал в эту обстановку случайно. Пассажиром пригородного поезда он так и не стал. Вышел с Финляндского вокзала, пересек площадь Ленина и сел в собственную «десятку», где под капотом таился форсированный движок и прочие облегчающие жизнь штучки. Машина не уступала по скорости и мощности многим иномаркам, но в отличие от них не привлекала к себе внимания. В этом состояло жизненное кредо мужчины – не привлекать внимания.

Не успел он положить руки на баранку, как в стекло постучали. «Мужчина, одет дорого, но безвкусно. Личность из бандитского мира, но не лидер», – подумал, хмыкнув пренебрежительно, элегантный хозяин «десятки». Он тяжело вздохнул, но такого гостя если не пустишь сейчас, он все равно достанет, и от разговора не открутишься. Да чего там, они ведь прекрасно знакомы.

– Привет! – жизнерадостно завопил парень в тяжелой кожаной куртке и плюхнулся на мягкое сиденье. – А я думаю,

ты это или не ты. Тачка твоя, а прикид не твой.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Как дела? Что слышно? – будничным тоном, протирая стекла чистой тряпочкой, спросил хозяин «десятки».

– С тех пор как кокнули Мишаню, ничего интересного нет, – сказал парень. – Пасем одного лоха, чушь какую-то порет, чтобы не отдавать нашему шефу должок. Если и дальше так пойдет, то спишем парня вчистую.

– Ты это серьезно, Крыса? – опасливо осведомился хозяин «десятки».

– Шучу, – буркнул парень. – Но бока намнем конкретно. Не хочет, гад, раскальваться. Бредит и ни одного слова в ништяке. Я и раньше знал, что с мозгами у него не круто, но мог бы и получше телегу придумать, раз уж решил ее двигать. Слышь, а Мишане вроде бы лучше?

– Где там лучше! – махнул рукой собеседник. – Растение. Подключен к нескольким аппаратам, врачи говорят, что надежд на поправку все меньше и меньше. Что-то у него там усыхает, что-то атрофируется. В общем, нормальным ему не быть никогда и для него лучше умереть и не маяться.

– А баба его?

– Сбежала.

– Облом на обломе. Без ее подписи нам ничего не сделать, – растерянно сказал парень, забыв на минуту о том, что он крутой. – И Мишаня коньки отбрасывать не хочет. Как быть? Во дела! Казалось бы, за бабки все можно купить, а

тут такая глупость. Слушай, а что, если нам к нему съездить?

Собеседники многозначительно переглянулись, и хозяин «десятки» завел мотор.

– А твоя тачка где? – осведомился он.

– Ребята на ней.

«Десятка» двинулась по улице Комсомола, в машине повисло молчание. Каждый думал о своем и не торопился делиться с партнером своими соображениями. Дело, которое они задумали, не терпело болтовни.

Все утро и день у нас удались на славу, довольно скоро мы научили Стрелку, что Маришины тапочки и старый резиновый сапог – это не одно и то же. В первом случае она получала кусок мяса, а во втором ничего не получала, кроме сообщения о том, что она на редкость тупая псина. Ближе к вечеру второго дня Стрелка ошибалась всего один раз из десяти, и мы сочли, что это вполне приемлемый результат, особенно если Мариша спрячет куда-нибудь подальше и повыше старые резиновые сапоги. Пришло время отправляться в путь.

Вчера и позавчера мы не ездили по нашим клиентам, так как залечивали моральную травму, нанесенную нам несознательным мужиком, обвинившим нас в мошенничестве. Да и погода была на редкость мерзкая. Мне и сегодня ехать не хотелось, но тут уж Мариша у меня на поводу, как это было вчера, идти отказалась.

– Ты только подумай, как переживает наш шофер, что с ним ничего не происходит, – втолковывала мне Мариша, садясь в машину. – Ведь ни одной неприятности, а обещано было целое море.

– Ты всех за каких-то идиотов держишь, – ворчливо про-
бормотала я.

В машине было холодно, за окном шел дождь, а тьма такая, что думалось только о теплой постельке, хотя часы показывали только начало пятого. Сидеть бы сейчас в теплом гнездышке, готовясь ко сну, пить горячее какао или что-нибудь другое, но тоже горячее, и не знать ни про каких шоферов, их подлых начальников и вероломных жен. Но Мариша включила отопление, свет, и я повеселела. Но длилось мое счастье недолго. Ровно до того момента, когда мы въехали во двор дома, где жил наш шофер. За секунду до нас туда проскочила ритуальная машина. При виде нее у меня нехорошо екнуло в желудке, а в голове стало как-то холодно и пусто.

– Кто-то умер, – сообщила мне Мариша. – Какая-нибудь старушка.

– И в том же подъезде, где живет наш шофер, – сказала я, посмотрев на номера квартир. – Странное совпадение.

Мы переглянулись и вылезли из машины. Возле подъезда, у которого остановилось печальное авто, столпилось множество народу – преимущественно бабули. По опыту знаю, если вам нужно срочно узнать, что случилось, никто не может оказать более реальную помощь и к тому же совершенно

бескорыстно, чем наши пенсионерки. Если одна не знает, то обязательно найдется с десяток подруг, которые уже в курсе дела. Даже плохая погода не заставила этих женщин уйти со своего поста. Мы затесались в их толпу и стали слушать.

– Такой молодой!

– Господи, что же это делается!

– Говорят, сердце отказало.

– Никакое не сердце, много вы знаете. Сюда уже милиция приезжала, стала бы милиция из-за сердечного приступа беспокоиться. Нет, тут дело посерьезней.

– Неужели убили?

– А вы как думали?

Я немедленно наострила уши и приготовилась впитывать информацию. Но увы, в этот момент из дома вынесли тело, завернутое в белую простыню. В гробовом молчании труп погрузили в машину, и она уехала. Только тут по толпе бабок прокатилась новая волна. Большинство терялось в догадках, но натренированным взглядом я высмотрела троих старух, которые не просто судачили, они явно что-то подозревали. Во всяком случае, выглядели они так, словно стояли на пороге величайшего и ужаснейшего открытия. Я подобралась к этой компании поближе.

– А где же жена? – спросила тем временем одна из старух, в коричневом плаще и в шелковом малиновом платочке на голове, по которому распускались причудливые фиолетовые цветы. – Вроде бы рано утром я ее видела, она за хлебом

ходила. И потом еще раз.

– И я ее видела, – сказала вторая, огромных размеров бабка.

– С сумкой шла, – подтвердила третья. – «Здрасьте, – говорит, – Анна Дмитриевна». Но не одна шла. Мужик ее какой-то сопровождал.

– А второй в машине сидел, – подтвердила первая бабка. – Я на балкон вышла, перед зимой ящики в порядок привести, так видела. Он ее там ждал. Он к ней уж не раз приезжал. На белой такой большой машине.

– Степа говорил, что это его начальник на ней ездит, – сказала крупногабаритная бабка. – Уж я ему намекала-намекала, что не дело это, когда к жене другой мужик ходит, хоть и начальник, а он только отмахивался.

– А что ты хочешь, Милка перед всеми задом крутить рада. Степа на нее уже и рукой махнул. Не терять же из-за бабской дурости хорошую работу.

– Но все-таки хоть бы постыдилась.

– Да где у нее стыд-то, – отмахнулась первая. – У нее муж умер, а где ее носит? Все с мужиками, задрав хвост, носится.

– Простите, – встряла я. – Я так поняла, что тут кто-то умер. Вы не скажете, случайно не из сороковой квартиры?

– Из нее, – после некоторого колебания сказала одна из бабок. – А тебе зачем?

– Боже мой! – схватилась я за сердце. – А кто? Степа или его жена?

– Он, – мрачно подтвердила старуха.

– Боже мой! – повторила я на этот раз совершенно убитым голосом. – Какое горе, такой молодой человек! Вообще-то я его не очень хорошо знала. Мы больше общались с его женой, и она даже одолжила мне крупную сумму денег, но так как она, в свою очередь, не скрывала того, что взяла эти деньги у мужа, то, значит, отдать я должна была их Степе. И вот сегодня я пришла отдать долг. Мы с ним договорились именно на сегодня, а он вот... умер. Как же мне теперь быть?

– Милке отдай, ей теперь небось деньги пригодятся, – сказала бабка в пестром платке.

– И верно, – обрадовалась я. – Сейчас прямо и отдам.

– Сейчас ее дома нет.

– Как же так, а кто же нашел тело? – удивилась я.

Вопрос поставил старух в тупик. Они как-то не задумывались над этим. Зато теперь у них появился новая интересная тема для пересудов. А мы с Маришей, поняв, что у бабок мы больше ничего не узнаем, поднялись наверх, на третий этаж, в надежде, что там нам повезет больше. Замок на двери квартиры номер сорок был кем-то аккуратно снят, а сама дверь аккуратно прикрыта, что не мешало услышать, что там кто-то ходит.

– Кротов, да не стой ты столбом, хоть понятых позови! – раздался за дверью сердитый мужской голос.

Дверь распахнулась, и на пороге появился молоденький рыжий паренек.

– Девочки, – обрадовался он при виде нас. – Вы не очень торопитесь?

Мы отнюдь не торопились, напротив, мы горели желанием узнать, и поподробней, что же на самом деле произошло в квартире номер сорок. Паренек пригласил нас войти в квартиру, и мы с любопытством осмотрелись. Судя по прихожей и гостиной, шофер жил небогато.

То есть бедностью тут и не пахло, но и роскоши тоже не замечалось. Добротная мебель, но старые вытертые паласы. Дорогие обои, но дешевый кафель. И полное отсутствие безделушек, статуэток, хрусталя и посуды за стеклянными дверцами. Что-то мне это напомнило. Впрочем, точно сказать, насколько были обеспеченны хозяева квартиры, было трудно, обстановку уже сильно попортил обыск. Такого мне еще видеть не приходилось: вся обивка располосована, содержимое ящиков вывалено на пол, а ковры сорваны.

– А вот и понятые, – сообщил наш рыжий провожатый.

– Молодец, Кротов, – рассеянно бросил один из трех ментов и сразу же обратился к нам: – Вы из какой квартиры?

– Из двенадцатой, – не моргнув глазом, соврала Мариша.

Впрочем, она и в самом деле жила в двенадцатой, а ведь про дом ее и не спрашивали. После этого наш собеседник начисто потерял к нам интерес, и мы побрели по квартире в сопровождении рыжего паренька, который, удивительное дело, не спускал с меня восторженных глаз, сильно напоминая при этом молодого и не очень еще умного щенка.

Комнат в квартире было две. Одна гостиная, где сейчас шел осмотр, и спальня, где никого не было. Мы зашли в маленькую комнату и удивленно остановились. Да что там удивились, у нас просто рты пооткрывались. Одна стена была сплошь зеркальной, и в ней отражалась вся обстановка, увеличиваясь ровно в два раза. Сразу было видно, что тут жила очень и очень обеспеченная женщина, не жалеющая средств на собственный комфорт и на уход за собой. Конечно, и тут все было перевернуто вверх дном, но это ничего не меняло.

Многочисленные тюбики, баночки и коробочки с элитной французской косметикой, казалось, заполнили зеркальное (опять же зеркальное!) трюмо. На полу в комнате лежал шелковый ковер с густым пушистым ворсом, который один стоил столько же, сколько вся прочая обстановка в другой части квартиры.

Огромная кровать была не застелена, и белье на ней было какое-то странное. Я дотронулась и поняла, в чем дело. Не только простыни, но и наволочки, и пододеяльник были из черного шелка. Должно быть, спать на таких простынях было сущим мучением, но выглядело это классно. Тут же на кровати и возле нее валялись фрагменты женского гардероба и нижнего белья.

Я готова была поклясться, что узнала лифчик с ручной вышивкой, который видела недавно в витрине бутика. Только там его цена переваливала за триста долларов, а здесь он был небрежно смят и кинут на ковер. Остальное белье не

уступало по качеству, а стало быть, и по цене этому лифчику. В огромном трехстворчатом зеркальном шкафу-купе наблюдалась та же картина. Все тряпки были новые и супердорогие. Не скажу, что у хозяйки был безупречный вкус, но цену она себе явно знала.

– Как-то не вяжется, что жена шофера, пусть даже и работающего в частной фирме, позволяет себе такие покупки, – прочитала мои мысли Мариша.

Кажется, милиция пришла к такому же выводу, потому что рыжий Кротов принялся допытываться, знали ли мы жену убитого, а если знали, то с кем из мужского пола мы в последнее время видели Милу. Мы добросовестно пересказали ему все сплетни, которые услышали внизу от бабок. Он был очень доволен и помчался докладывать своему начальству, оставив нас одних в спальне Милы.

Мариша немедленно метнулась к тумбочке возле кровати и принялась лихорадочно открывать один ящик за другим. На мой взгляд, занятие на редкость бесперспективное, так как милиция должна была уже все здесь обыскать. Оказывается, я плохо знала нашу милицию. Она уделила основное внимание месту убийства, оставив всю квартиру на потом. Я тоже решила поискать что-нибудь подозрительное, направившись с этой целью к трюмо.

Как всегда, Марише повезло. Сначала она с торжествующим криком вытащила из нижнего отделения толстую стопку тетрадей, которую сунула мне в руки, как только я оказа-

лась возле нее, а затем – тонкую книжицу в роскошной тисненой обложке. Мельком глянув в тетради, мы увидели, что страницы там сплошь исписаны мелким нервным почерком. На большее у нас не хватило времени, так как появился рыжий.

– Девочки, пойдете, – позвал он нас и, увидев, что я держу в руках увесистую стопку, как и следовало ожидать, заинтересовался. – А что это у вас тут? – спросил он, указывая на нее.

Ругая себя последними словами, мне пришлось протянуть ему тетради.

– Где нашли? – поинтересовался Кротов.

– Валялось, – неопределенно ответила Мариша, сверля меня уничтожающим взглядом, сама-то она успела спрятать свой трофей.

Оно и понятно, тонкая книжица совершенно растворилась на ее отнюдь не субтильном теле, а мне что, прятать тетради в простыню? А куда потом девать внушительных размеров тючок? К счастью, Кротов не был законченной сволочью и начал рассматривать тетради у нас на глазах. Всего их оказалось около десятка, исписанных все тем же почерком.

– Дневник! – восторженно воскликнул Кротов. – Видите, все по числам. Седьмое октября 1986 года. Жена убитого вела дневник! Это же просто неоценимая находка.

– М-да уж, – пробормотала Мариша, – это точно.

Но радость Кротова оказалась несколько преждевремен-

ной. В стопке не было дневника, относящегося к последнему времени. Самая поздняя дата в отобранных у нас тетрадях – прошлого года. Разумеется, мы могли пролить свет на то, где скорее всего находится последняя часть дневника Милы, но почему-то не стали.

– Надо еще тут поискать, – сказал разочарованный Кротов. – Должен найтись. Дамочка была не слишком большого ума, так что хорошо спрятать не смогла бы.

И он занялся поисками дневника. Совершенно непонятно, на чем он основывался, делая свое заявление. Может быть, строчки из дневника его натолкнули на эту мысль? Чтобы не терять даром времени, я спросила:

– А как убили Степу?

– Вообще-то, это тайна следствия, – сказал Кротов, озабоченно роясь в пестрой горе шелковых халатиков и подвязок, – но вам я скажу. Его задушили удавкой. Очень профессионально. Только это было уже напрасно.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что он все равно не выжил бы после тех травм, что ему нанесли перед смертью, – откровенно поделился с нами Кротов тайной следствия и добавил для особо тупых: – Его пытали.

– Пытали! – ахнули мы. – Зачем?

– Искали чего-то, – пожал плечами Кротов. – Видели, какой разгром в квартире?

– Видели, но мы думали, что это ваши ребята постарались.

лись, – растерянно сказала я.

– Ни в коем случае! – возразил Кротов. – Чтобы привести в такое состояние квартиру, нужно по меньшей мере часа два. А мы тут всего около часа. Поэтому нам так важно установить, в какое время покинула квартиру жена убитого. Вероятно, те мужчины, что сопровождали ее, и были убийцами ее мужа. Вы точно помните, что видели ее еще в первой половине дня?

– Спросите у других соседей, – посоветовала я.

– Обязательно спросим, – со вздохом сказал Кротов. – Очень странная история. Сначала исчезает жена, потом убивают мужа и обыскивают квартиру. Как это может быть связано одно с другим?

– Кстати, а что слышно у него на работе? – поинтересовалась Мариша.

– Почему ты спросила? – насторожился Кротов.

– Степа подозревал, что у Милы был роман с его начальником, – сказала я.

– В самом деле? – оживился Кротов. – Тогда понятно, почему пропали последние тетради дневника. Вероятно, их и искали убийцы.

– А может быть, что Степу убил один человек, а потом другие уже перевернули вверх дном квартиру? – спросила я.

– Маловероятно, – сказал Кротов. – Соседи слышали шум из этой квартиры, который примерно совпадает по времени с убийством. Хотя ваше предположение тоже нельзя исклю-

чить.

– А кто вызвал милицию?

– Соседи и вызвали, – сказал рыжий. – Из сорок первой квартиры девочка пошла гулять с собакой, а та уселась под дверью и начала выть, так что ее не оттащить было. На вой выглянули другие соседи, вспомнили про странный шум, кто-то вспомнил, будто бы видел двух крепких парней, которые недавно спускались по лестнице, и решили на всякий случай сообщить в милицию.

Дальше нас вызвали подписать протокол изъятия двух керамических плиток, одного топорика для рубки мяса, утюга и парочки вилок, найденных возле трупа. Набор, мягко говоря, заставивший меня затрепетать и в очередной раз пожалеть, что послушалась Маришу.

– Николай Валентинович, – обратился наш Кротов к высокому усатому мужику, – тут девушки говорят, что у жены убитого Федорчука был роман с его начальником по работе. Проверить?

– Действуй, только осторожно, – предупредил его усатый. – Больше необходимого не болтай, я же знаю, что у тебя язык без костей.

– Ну что вы, – обиделся Кротов. – Я-то всегда кремень. Так я поеду?

– Ладно, кремень, – усмехнулся усатый. – Ты хоть название фирмы, где работал покойный Федорчук, знаешь? Или ее адрес?

Судя по физиономии Кротова, этим вопросом он до сего момента не озадачивался.

– Поищи запись в дневнике его жены, – посоветовал ему начальник и обратился к нам: – Девочки, вы не знаете, когда примерно ваш сосед устроился на работу шофером? Может быть, вы заметили, когда он стал подкатывать к дому на новеньком джипе? Или он вам сам хвастался?

– Где-то прошлой зимой, – сказала я. – Мы его недавно встретили, и он сказал, что уже почти год без двух месяцев горбатится на своего шефа. Достало его, хотел работу другую подыскивать.

– Значит, смотри записи за прошлую зиму, – велел усатый Николай Валентинович Кротову и снова обратился к нам с Маришей: – А почему же он не нашел себе другой работы?

– Думаете, это так легко? – пожала плечами я и принялась импровизировать, используя собственный опыт, так как убитый при визите к Марише ни словом не обмолвился о своих попытках. – Нужно несколько свободных дней или хотя бы часов, чтобы походить по фирмам и показаться там. Никто ведь не возьмет человека на работу просто по одному телефонному звонку. А этих часов у Степы и не находилось. Он работал с утра и до позднего вечера. А бывало, если шефу приходила охота прошвырнуться по ночным заведениям, что с утра и до утра.

– А что именно его не устраивало на работе? – снова обратился к нам Николай Валентинович.

«Зануда какой, – подумали мы с Маришей хором, – тебя бы заставить работать на генерала, который твою жену имеет, посмотрели бы мы на тебя».

Вслух же я сказала:

– Его шеф положил глаз на Милу, и она отвечала ему взаимностью. Иначе откуда у нее все эти тряпки и дорогая косметика? Хотя внешне, как говорил Степа, все выглядело вполне прилично. У Милы была какая-то затяжная болезнь, при которой у нее болело то сердце, то печень, то поджелудочная. И шеф Степы систематически помогал ей ложиться в элитные клиники, договаривался с врачами и, между прочим, оплачивал лечение. Палата там больше напоминала номер люкс на одного в гостинице с четырьмя звездами – свободное посещение родных и прочие удовольствия, – но мужа туда почему-то пускали редко и с большой неохотой. Вот он и заподозрил неладное.

– А в каких именно клиниках лежала Мила?

Этого Марише убитый на сеансах ясновидения не говорил, поэтому я только невразумительно пожалала плечами.

– Ну а болезнь? – продолжал допытываться усатый. – Хотя бы в общих чертах? Что у нее было?

– Говорю же, что каждый раз она лечила что-то другое, – сказала я. – Но что у нее там было на самом деле, я не знаю. А может быть, и врачи не знали. Время сейчас такое, – добавила я, сама не зная к чему.

Николай Валентинович уже изготовился подойти к этому

же вопросу с другой стороны, явно не веря, что соседки – и вдруг были не в курсе болячек Милы, как нас спас Кротов.

– Нашел! – воскликнул парень. – Вот слушайте. Она пишет: «Вчера мой дурачок наконец-то нашел работу. Какое счастье! Так надоело, что он целыми днями сидит дома и жрать просит. Сколько ему ни свари, все мало, прихожу с работы без рук без ног, а он лежит на диване и есть просит, словно дитя беспомощное. А нажрется, так грудь просит. Господи, какой из него охранник! Зря только деньги отдала. Нужно было настоять, чтобы шел бухгалтером. Но что уж теперь говорить. Хорошо хоть автомобильные курсыгодились. Теперь важного Аполлона возить будет и кормежка за счет шефа, а то моей зарплаты никак не хватает на нас двоих, да еще чтобы оплачивать его переобучение. Фирма вроде бы нормальная, и название такое забавное – «Эльф». Только бы он продержался, – если его снова выгонят, я наложу на себя руки».

– Судя по всему, она нашла более простой способ добиться того, чтобы ее мужа держали на работе, – сказала Мариша, наблюдая, как Кротов приплясывает от нетерпения возле телефонной трубки, пытаясь узнать адрес этого «Эльфа». – А Степан не говорил нам, что он месяцами сидел на шее у жены.

– Интересно, что он нам еще не говорил, – сказала я.

В это время Кротову повезло, и он дозвонился по нужному телефону, записал адрес и помчался к дверям.

– Мы вам больше не нужны? – тихо спросила Мариша у Николая Валентиновича.

Но так как тот был занят очередной находкой – небольшим и, увы, пустым тайничком в стене, то ничего нам не ответил, и мы сочли себя свободными. Хотя, возможно, он просто не услышал. Мы выскользнули из квартиры следом за Кротовым и догнали его внизу.

– Подвезти тебя? – спросила добрая Мариша, поигрывая ключами от своего «Опеля». – Далеко тебе?

– В центр, – сказал Кротов, плюхаясь на заднее сиденье машины. – На улицу Восстания. Не очень затрудню?

– Нам как раз по пути, – заверила его Мариша.

– Это хорошо, – одобрил Кротов. – Ужасно не люблю загружать людей своими проблемами. Но если бы я поехал на метро, то обязательно бы опоздал в фирму. Сейчас и так уже начало седьмого.

Фирма «Эльф» занимала половину второго этажа старинного четырехэтажного дома. Кротов по пути успел нам рассказать, что основным профилем фирмы является продажа компьютерных систем, самих компьютеров, а также комплектующих. Во дворе, примыкающем к дому, где помещался «Эльф», стояло около десятка новеньких иномарок, в их числе мы увидели и огромный серебристый джип, на котором еще так недавно приезжал к Марише Степан.

– Здесь, – удовлетворенно сказал Кротов, сверившись с бумажкой. – Девчонки, хотите посмотреть, как ведется на-

стоящее расследование?

Парню явно не хотелось возвращаться обратно на своих двоих. Разумеется, мы охотно согласились пойти с ним. Мариша даже высказалась в том плане, как, мол, интересно увидеть работу профессионала. Я пихнула ее в бок, опасаясь, как бы Кротов не раскусил столь явной издевки, но он принял слова моей подруги за чистую монету и был на седьмом небе.

В первой же комнате, которая совмещала функции приемной и склада образцов предметов торговли, нам преградила дорогу решительная девица в полной боевой раскраске. Но наша команда не подкачала, Кротов сунул наглой девице под нос удостоверение, Мариша пихнула ее плечом, а я наступила на ногу. Конечно, у нас с Маришей тоже были милицейские корочки (фальшивые, ясное дело), но в присутствии Кротова нам показалось как-то неуместно доставать их.

– Где шеф? – спросил у девицы, потерявшей почти все свое нахальство, Кротов. – Мы к нему по делу.

– Его нет, – все же нахально соврала девица.

– Так, значит, машина здесь, а самого нет? – набросилась на нее Мариша. – По воздуху улетел? Где он?

– У Аполлона Митрофановича посетители, – пробормотала девица. – К нему нельзя. Он строго-настрого...

Но мы уже ломались во все двери подряд. Дело осложнялось тем, что ни один из нас не представлял, как должен выглядеть шеф. Хорошо еще, что девица любезно сообщила,

как зовут ее начальника. Поэтому, врываясь в комнату, мы вопили: «Аполлон Митрофанович!» и ждали результата. Если никто не отзывался, то мы шли дальше. Таким образом мы добрались до самой дальней комнаты, переполошив по пути добрых полсотни сотрудников.

Открыв тяжелую дубовую дверь, мы оказались в большой комнате с тремя огромными окнами, выходящими в тихий переулочек. В комнате стояло несколько книжных полок, столик с различными напитками, длинный стол для совещаний со стульями и несколько кресел. Самое большое кресло стояло возле массивного письменного стола, сделанного, кажется, из темного стекла.

За столом сидел кругленький лысоватый дядька не без примеси южной, предположительно армянской крови. Пухлые ручки он сложил на затылке, ноги водрузил на стол, а сам раскачивался в кресле, мечтательно глядя в потолок и курия огромную сигару.

– Аполлон Митрофанович! – гаркнула Мариша.

Крушение произошло так быстро, что я даже не успела толком ничего разглядеть. Только что директор сидел в кресле, а через секунду его уже не было, зато из-под стола доносилось какое-то побряхтывание. Мы освободили директора от придавившего его кресла, немного отряхнули от пепла и снова придали его телу исходную позицию, даже сигару воткнули в рот. Но дядька почему-то не чувствовал себя признательным нам за заботу, которую мы проявили по отноше-

нию к его персоне.

– Вы кто такие? – довольно сварливо осведомился он у нас, когда ему удалось избавиться от сигары, которую Кротов в порыве добрых чувств засунул ему слишком глубоко в рот.

Кротов снова полез за удостоверением, а Мариша завела светский разговор.

– Удивительно просторные помещения у вас в фирме, – польстила она директору. – Мы ищем вас уже битых четверть часа и никак не могли найти. Случайно, можно сказать, наткнулись.

– Да, звукоизоляция у меня на высоте, – снисходительно пояснил директор, медленно приходя в себя. – Знали бы вы, сколько денег она мне стоила! Но я не жалею, комфорт прежде всего! Зато мои сотрудники могут работать, не мешая шумом друг другу. Здоровье моих людей для меня – главная цель.

Говорил он по-русски совершенно чисто, без малейшего акцента. И мы сделали вывод, что родился и вырос он здесь, в России, и, вероятно, его предки тоже.

– Мы слышали, что вы заботитесь о здоровье не только своих сотрудников, но и о здоровье их родных, – заметила тем временем моя подруга.

Аполлон Митрофанович изумленно вытаращился на нее, но в это время Кротову удалось наконец найти свое удостоверение, и внимание директора отвлеклось.

– Так чем обязан? – спросил он у нас, внимательно изучив

удостоверение.

– Федорчук Степан работал у вас?

– Да, – кивнул головой директор. – Мой шофер. А почему в прошедшем времени, я его не увольнял.

– Он сам уволился, – сказала Мариша.

– Его убили, – бодро пояснил оторопевшему начальнику Кротов. – Сегодня.

То ли Аполлон Митрофанович был отличный актер, то ли известие его и впрямь поразило, но только он вполне естественно побледнел, схватился за сердце, на лысине выступило несколько капель пота.

– Не может быть, – прошептал он.

– Почему же! – живо откликнулся Кротов. – Вы что-то про это знаете?

– Откуда? – после минутной паузы начал директор. – Я сказал «не может быть», потому что только сегодня утром разговаривал со Степой. Он сказал, что приболел, и попросил один день за свой счет.

– И вы разрешили?

– Конечно! Человек же заболел! – возмущенно воскликнул Аполлон Митрофанович. – Сережа вместо Степы за руль сел. Я сразу Степе сказал, что он может болеть совершенно спокойно.

– В котором часу был этот разговор?

– В восемь, – сказал директор. – Степа должен был подать машину к десяти. Но и Сережа отлично справился. Мне се-

годня и ездить-то пришлось всего в два места.

– И больше с восьми утра вы Степана не видели и не слышали? – уточнил Кротов.

– Именно так.

– Может быть, вам покажется, что я задаю бестактный вопрос, но соседи Степана говорили, что у вас к его жене какой-то особый интерес. Это правда? – спросил Кротов, покраснев до ушей.

– О люди! – трагично заломив руки, воскликнул Аполлон Митрофанович. – Вы не знаете, почему люди охотнее верят в какие-то порочные мотивы, чем в искренние порывы? У меня с Милочкой не было никакого романа, о чем вам наплели эти старухи. Видел я, как они на нас смотрели. Не слушайте их. Мы просто чудесно дружим с Милой. Она очень милая девочка. Милая Мила, вот так. Поверьте, и это правда, и еще – она очень любила своего мужа. Честно говоря, удивительно, за что. Степан, конечно, был парнем статным и красивым, но очень уж недалеким, а Мила – редкостная женщина.

– Но что-то ведь вас связывало и помимо вашего восхищения ее достоинствами? – не удержалась Мариша.

– Разумеется. Когда узнал про болезнь Милы, то счел своим долгом помочь ей вылечиться, снова стать здоровой и счастливой. Мне всегда бывает не по себе, когда кто-то рядом мучается и не может получить помощь только потому, что квалифицированные специалисты для него слишком дороги.

– Так вы оплачивали лечение Милы? – спросил Кротов.

– Оплачивал, – кивнул Аполлон Митрофанович. – И горжусь этим. А чтобы вы не воображали себе невесть что, я сразу же могу назвать вам не меньше десятка других людей, которым я также оплатил их лечение. Это и грудные дети, и старики. Надеюсь, вы не заподозрите меня в том, что я помогал им с целью сексуального домогательства?

– Нет, что вы, – ошеломленно ответил Кротов. – Но вы понимаете, что я обязан проверить ваши слова. В каких именно больницах лежала Мила, и чем конкретно она была больна?

Вопрос неожиданно вызвал длительную заминку, которую директор пытался заполнить раскуриванием новой сигары. Это ему не удалось, и он с раздражением отбросил ее.

– Черт с вами, – сказал он. – Все равно ведь узнаете. От милиции такое не скроешь, вы не простодушный Степа. Так вот, Мила была наркоманкой.

– Что?! – дружно ахнули мы. – Наркоманкой?

– Не верите? – усмехнулся Обезьян, то есть, тьфу ты, Аполлон Митрофаныч. – Многие бы не поверили. Мила обладала железной волей и умела держать марку даже в те моменты, когда состояние у нее приближалось к критическому. Но она никогда не допускала критической точки, всегда вовремя ложилась в больницу и сбивала себе дозу. А я оплачивал эту процедуру. Так что даже ее муж ни о чем не догадывался.

– Невозможно, – решительно заявила Мариша.

– Почему? – пожал плечами директор. – Если есть сила воли, то все возможно. К тому же героин она стала употреблять сравнительно недавно. Месяц или два назад... или чуть раньше. Так что ее организм еще не очень пострадал.

– Месяц или два? – с недоверием переспросил Кротов. – А от чего же она лечилась весь прошлый год?

– Есть и другие виды наркотиков, – пояснил Аполлон Митрофанович с таким видом, словно вдалбливал непонятливому школьнику простейшую истину. – Кокаин, эфедрин, травка, наконец. Но каюсь, героин первый раз Мила попробовала по моей вине.

Возникла напряженная пауза.

– Нет, только не подумайте, что я дал ей наркотик, – продолжил директор. – А чувствую я себя виноватым потому, что Мила достала его в больнице, куда я ее определил. Я тогда еще недостаточно хорошо знал, какая это страшная болезнь, поэтому меня не удивило, что в палатах на третьем этаже на окнах нет решеток. Ну какому нормальному человеку придет в голову, что наркоман способен прыгнуть с десяти метров, а потом еще и бежать со сломанной ногой за наркотиком и обратно? Врачи, во всяком случае, этого не допускали, они обыскивали сумки, запретили визиты родных, но наркотики в отделении все равно появлялись. Все прояснилось после того, как парень, проделавший этот фокус, вернулся с переломом голени, а более везучие уже несколько раз благополучно возвращались с добычей. Одежду им прино-

сили другие наркоманы, которые поджидали приятелей под окнами. Но я это не к тому говорю, чтобы покритиковать врачей, которым близкие наркоманов платят бешеные деньги и которых не смущало отсутствие решеток на третьем и четвертом этажах. А к тому, что именно там Мила и подседа на героин.

– А где она сейчас? – спросила я.

– Не имею ни малейшего понятия. А разве она не дома? – искренне удивился Аполлон. – Не с мужем?

– Нет, – покачал головой Кротов. – И мы не представляем, где она. Однако ее соседки видели большую белую машину, в которую садилась Мила. Они опознали в ней машину, на которой работал Степан. Это ведь ваша машина?

– Есть у меня серебристый джип, – согласился Аполлон Митрофанович. – С бабок станется назвать его «большой белой машиной», но Милу я не забирал. В первой половине дня Сергей отвез от моего имени одному больному фрукты и прочую снедь. Может быть, Мила села прокатиться с ним. Но Сережа сейчас еще должен быть в офисе, мы его позовем и все узнаем.

Он нажал на кнопку у себя на селекторе, и через несколько секунд в дверь ввалился здоровенный парень.

– Звали, шеф? – рявкнул он.

– Звал, – кивнул Аполлон. – У нас беда, убили Степана. Эти господа из милиции, они хотят знать, Мила с тобой в машину села? Не бойся, я с тебя голову не сниму, что ты в

моей машине дам катаешь. Ей куда-то было нужно?

– Ясное дело, – кивнул парень.

– В аптеку? – предположил Аполлон.

– Куда? – удивился парень, явно не отличающийся большим умом: слово «аптека» его так удивило, словно он впервые его услышал. Полный кретин!

– В аптеку, – повторил Аполлон. – Степан с утра был болен, и она, должно быть, хотела купить ему лекарство.

– Вот, вот, – немного подумав, подтвердил Сережа. – Там и аптека была, и еще магазин.

– Все ясно, – кивнул ему шеф. – Можешь быть свободен.

– Будьте так добры, если вы что-либо узнаете о ее местонахождении, позвоните вот по этому телефону, – сказал Кротов, протягивая Аполлону свою визитку.

– А вам звонить по этому же телефону? Или другой дадите? – подмигнул нам с Маришей директор, мельком глянув на визитку.

Впрочем, справедливо будет уточнить, что смотрел он главным образом на мою подругу. Вечно мне достаются всякие рыжие Кротовы, а Мариша снимает сливки.

– Мы из другого ведомства, – величественно ответила Мариша. – Вот наш телефон.

Оставив осчастливленного нашими визитками директора в его кабинете, мы вышли из офиса. На улице уже наступила совершеннейшая ночь, хотя часы показывали всего лишь половину восьмого. Кротова мы высадили у станции «Чер-

нышевская», хотя он усиленно сопротивлялся – долго рассказывал нам, что живет он на площади Мужества, а на линии разрыв, и очень неудобно добираться, но дома он заварит нам кофе, поставит на видике новый фильм и вообще не покусится на угощение. Словом, всеми способами пытался вынудить нас доставить его до дома.

Как только мы избавились от Кротова, Мариша немедленно вытащила из-за пазухи ту тонкую книжицу в кожаном переплете, которую мы изъяли в спальне Милы. Немного повозившись, она откинула тугую застежку, и мы жадно впились в открывшуюся первую страницу. Оказалось, что это вовсе не последний том дневника, а фотоальбом. Но тоненький, всего на пять листов, в которых было десять фотографий, изображавших симпатичную блондинку с родинкой над верхней губой и большим ртом в различных степенях обнаженности. Несомненно, это была сама Мила. Именно так ее и описывал Степа.

Насладившись этим зрелищем, мы поехали обратно к дому Степы. На улицах наступило время собачников, которые разгуливали взад-вперед в тусклом свете фонарей. Такую же картину мы застали и возле Степиного дома. Все собачники выползали на улицу со своими питомцами, и с ними имело смысл поболтать. Нам повезло. Прямо из парадного, где жили мертвый ныне Степа и его пропавшая жена, вышла дородная бабка, ведя на поводке мелкую лохматую болонку. Бабку мы знали, она нас тоже узнала.

– Ну что? – приветствовала она нас громовым басом. – Нашли Милку? Деньги отдали?

– Нет, – огорченно покачала я головой. – Просто ума не приложу, где ее искать. Даже милиционеры ничем не смогли мне помочь. Они тоже ищут Милу. Пропала с концами, и никто толком не знает, даже на какой машине она уехала.

– Как это не знает? – возмутилась бабка. – Бездельники работают в нашей милиции, вот что я вам скажу. Вместо того чтобы походить да поспрашивать среди людей, они, вишь, сразу – никто ничего не видел и не знает.

– Так вы видели? – обрадовались мы с Маришей.

– А то нет, мне из окошка кухни все видать, – подтвердила бабка. – Белая машина, иностранная.

– А марка какая?

– Марок их я не понимаю, – призналась бабка. – Вот наши «Жигули» от «Москвича» легко отличу. А у них не понимаю, что «Мазда», что «Форд», мне все одно. Цвет вот точно был белый, даже блестящий какой-то, а на заднем стекле такая забавная зверюшка сидела. Большая такая, побольше моей Сиси будет, только...

– Побольше чего, простите? – храбро переспросила ее ошеломленная Мариша, пока я ртом хватала воздух.

– Сиси, собачки моей, – пояснила бабка, показывая на резвящуюся у ее ног болонку.

– А, понятно, – сказала Мариша. – Значит, игрушечная собака.

– Кто ее знает, собака или что другое, но точно лохматое, – сказала бабка.

– А номер? – жалобно спросила я. – Цифр вы не запомнили?

– Ну я же не в милиции работаю, кто же знал, что дело так повернется. Не могу же я записывать номера всех машин, которые у нас во дворе останавливаются, – обиделась бабка. – Но вы поспрашивайте, авось чего и узнаете. Только зачем вам, ведь все равно в машине Степин начальник сидел, а если и не сидел, то все одно знал, где его машина находится и кто в ней катается. У него и спрашивайте.

– Он говорит, что не знает, где сейчас может быть Мила, – сказала Мариша. – Говорит, что отвезли Милу к аптеке, высадили ее там и больше не видели.

– Врет, – убежденно сказала бабка. – Милка больше не возвращалась. Но все равно поспрашивайте у наших, может, кто еще ее видел.

Но ее совет ничего нам не дал. Никто из собачников не видел сегодня белой иномарки, которая в районе двенадцати часов дня постояла минут десять во дворе и уехала. Мы окончательно приуныли. Да, фортуна повернулась к нам задом. Но вдруг на мое плечо легла увесистая ладонь, отчего я подпрыгнула и взвизгнула.

– Тихо ты, – ахнула давешняя бабка, стоящая на этот раз в компании еще одной старухи. – Радуйся, знаем мы, где твоя Милка. Вот она знает.

Вторая бабулька была нам незнакома. Седенькие волосики, завитые мелким бесом и выкрашенные хной в ярко-рыжий цвет, сиреневая шляпка, украшенная пышным букетом искусственных цветов, делали ее саму экзотическим цветком. Старушка была вполовину меньше своей подруги и говорила пронзительным фальцетом, время от времени поправляя языком вставную челюсть.

– Я как раз собиралась за молоком к бочке, – начала она свой рассказ. – Его обычно к восьми привозят, но я проспала, и был уже девятый час, когда я стояла возле двери. И вдруг раздался звонок, я даже расстроилась: «Кого, – думаю, – принесло? Теперь точно за молоком не успею». Посмотрела в глазок и увидела Милку. Мы с ее матерью, пока она не переехала, дружили. Вот Милка иногда ко мне по старой памяти и заходит спросить, не нужно ли мне чего, когда сама в магазин идет.

– Она добрая, этого у нее не отнимешь, – подтвердила бабища с болонкой. – Гулена только большая и до мужиков охотница, да еще мужики такие все мерзкие к ней ходили. А так ничего девка.

– Кто же виноват, что мужики такие дрянные ей все попадались, – вступилась за Милу бабка с букетиком.

– Каких искала, такие и попадались, – не удержалась толстуха.

Видя, что они сейчас переругаются и мы ничего не узнаем, я поспешно подкинула им вопрос:

– А почему Мила пришла к вам сегодня?

Обе бабка застыли, словно их окатили холодной водой, и тупо уставились на меня.

– Мила? – растерянно спросила бабка с букетиком на шляпке, явно позабыв, о чем только что рассказывала. – Ах да, – вспомнила она. – Так вот, если бы некоторые меня не отвлекали, то я бы давно уже все рассказала. Сегодня я сама собиралась в магазин, поэтому сразу так Миле и сказала. А она не торопилась уходить. И вдруг говорит: «Тетя Люда, если мне придется уехать, то передайте, пожалуйста, моей маме письмо». Понятное дело, я удивилась. И говорю ей: «А почему ты сама не можешь отдать или в ящик опустить? Я ведь еще неизвестно когда с твоей мамой увижусь».

– А она?

– Тогда она и говорит: «Ну хорошо, тетя Люда, вы на словах ей передайте, что мне пришлось уехать, чтобы окончательно вылечиться. Один хороший человек обещает меня отправить за границу, сейчас через одну фирму это легко устроить. В той стране врачи знающие, не то что у нас, а я маме потом позвоню, когда до места доберусь».

– И это все?

– Еще она название фирмы сказала, которая ее отправляет за границу, только я его забыла, – сконфуженно призналась бабка. – То ли «Ариэль», то ли «Тесей». Нет, точно на «А». Но с Древней Грецией связано.

– Ариадна! – воскликнула Мариша.

– Правильно, – обрадовалась бабка. – «Ариадна». Так просто, а у меня из головы выскочило.

Мы с Маришей, очень довольные, распростились с бабками. Но до самого дома Мариша, сидя в машине, не проронила ни слова, только загадочно улыбалась, доводя меня этим до белого каления. Дойдя до предела отпущенного мне природой терпения, я ее предупредила, что еще одна улыбка, и я вцеплюсь в руль, и пусть ее драгоценная машина вместе с нами превращается в грудку неживых предметов. Мне уже все равно, лишь бы не видеть эту идиотскую ухмылку.

– Ты бы тоже улыбалась на моем месте, – сказала немного испугавшаяся моей угрозы Мариша. – Теперь я знаю, где искать Милу. Потому и улыбаюсь.

– А со мной поделиться не хочешь? – спросила я.

– Давай сначала выясним, будем ли мы браться за это дело или нет, – сказала Мариша, поставив меня своим вопросом в тупик.

И в самом деле, браться или нет. С одной стороны, Степа был нам совершенно чужим человеком, которого мы видели два раза в жизни. С другой стороны, он взял с нас, то есть с Мариши, но это в данном случае все равно, слово, что если с ним что-нибудь случится, то мы накажем его убийцу. Правда, он имел в виду, что Мариша найдет на того порчу или еще что-нибудь в этом роде. Но как быть, если Маришиних сверхъестественных способностей хватало лишь на то, чтобы предсказать, придут сегодня гости или нет. И то делала

она это всегда с подсказки Дины, которая перед гостями занимала пост возле холодильника, так что Мариша была вроде бы и ни при чем. И наконец самое главное – Степа оставил нам деньги, то есть мы вроде как теперь на него работаем.

– Мы же не совсем бессовестные, правда? – вместо ответа сказала я. – Мы просто обязаны найти убийцу Степы, ведь он нам за это заплатил. А если для этого придется перевернуть весь мир, то мы его перевернем, лишь бы денег на дорогу хватило.

– Это ты в самую точку, – сказала Мариша.

– Ты о чем?

– Ну, слушай, когда та бабка сказала про «Ариадну», у меня в голове прямо что-то щелкнуло. Буквально месяц назад один мой знакомый тоже говорил мне про эту фирму. Знаешь, чем она занимается?

– Чем?

– Отправляет наших наркоманов за границу на лечение, – сказала Мариша. – Они там живут несколько месяцев, а то и лет, если нравится. Их кормят, одевают, и они немного работают, но так, чтобы не надорваться. Через год, два, три или пять, смотря что за страна, они получают вид на жительство. Чувствуешь, чем дело пахнет?

Пока что я чувствовала лишь жгучую зависть к неизвестным наркоманам, которым ни за что такая лафа.

– И что? – спросила я, когда зависть немного схлынула. – Всех берут?

– Ну прям, – усмехнулась Мариша. – Только тех, за кого есть кому заплатить.

– И много?

– Мишка говорил – тысяч пять, а что сейчас, не знаю, наверное, уже тысяч семь.

– Долларов? – затаив дыхание, спросила я.

– Конечно, за границу ведь едут, – ответила Мариша. – Там наши рубли никому не нужны.

Зависть испарилась без следа, а вместо нее я почувствовала ненависть.

– Буржуи проклятые! – воскликнула я. – На нашем горе наживаются.

– Будет тебе, это не они, – успокоила меня Мариша. – Это наши русские и наживаются. Те, которые за границей, они какие-то там христиане. И денег с наркоманов не берут. Приходите, живите, всем рады. А наши за пересылку к тем христианам и оформление бумаг придумали мзду брать.

– И платят?

– У кого есть, те платят, – пожалала плечами Мариша. – Все равно сынок-наркоман здесь за три года из родителей больше высосет. А уж про нервы и говорить нечего. Вот я и подумала, а не отправил ли наш Аполлон Митрофанович свою драгоценную Милу тоже в какую-нибудь страну благословенного Запада? Деньги у него есть, а тут такая удача. И девочка подлечится, и свидетельницы нет.

– Так что, Мила все-таки замешана в убийстве мужа?

– А как ты думаешь, если она исчезает буквально за несколько часов до его смерти? Если и не сама лично замешана, то уж, во всяком случае, должна догадываться, за что и кто ее мужа прикончил. Но это необязательно наш Аполлон, он мог и не знать. Мила попросила его отправить ее именно сегодня, он и согласился.

– Тебе просто самой хочется в это верить, – заявила я ей.

– Не будем спорить, найдем Милу и все у нее узнаем.

Последовала немая сцена, на протяжении которой я только открывала и закрывала рот.

– Как найдем? Где? – наконец смогла я из себя выдавить. – Не легче ли у Аполлона спросить? Это он милиции не хотел говорить, что видел сегодня днем Милу и даже за ней заезжал, а нам скажет.

– И спугнуть его? – удивилась Мариша. – Хорошо, если он не виноват, а если все-таки виноват? Так вот, я, например, уверена, что он в чем-то замешан. Нет, нужно найти Милу и поговорить с ней.

– Да как же? – взвыла я. – Если она где-то в Европе?

– Где она точно, можно узнать в той же «Ариадне», – сказала Мариша. – А как поступим потом, видно будет. Сегодня же Мишке позвоню.

Мы вернулись домой к Марише, и она послушно села звонить Мишке. Там к телефону подошел какой-то мужчина и сказал, что Михаил здесь больше не живет, он продал ему свою квартиру и уехал куда-то за границу.

– Ну вот, – расстроилась Мариша. – Придется самим сходить в эту фирму. Есть у тебя какая-нибудь светлая пудра?

– Возьми лучше цвета легкого загара, – предложила я. – Тебе пойдет. А то ты и так бледная какая-то. А если намажешься светлой пудрой, то вообще будешь как привидение.

– Вот и хорошо, что бледная, – обрадовалась Мариша. – Но этого еще недостаточно. Нужно еще синяки под глазами сделать. Тени-то у тебя есть, или мои возьмешь? Только предупреждаю, у меня только зеленые и серые.

– Зачем синяки? – с дрожью спросила я.

– Наркоманы всегда бледные и с синяками под глазами, – сказала Мариша. – То есть я хочу сказать, настоящие наркоманы. А мы и должны выглядеть таковыми, чтобы нас не заподозрили в обмане.

– Наркоманы? – переспросила я, еще толком не понимая, во что ввязалась в очередной раз. – Ты собираешься притвориться наркоманкой, чтобы тебя отправили туда же, куда и Милу?

– Именно, быстро соображаешь, – похвалила меня Мариша, удовлетворенно разглядывая в зеркало плоды своего труда. – Теперь еще руки, – пробормотала она. – У наркоманок, я замечала, руки всегда красные и распухшие. Ну, ничего, перчатки натянем. А тебе забинтуем. Садись, теперь тебя приводить в норму буду.

Несколько взмахов руки, и на меня из зеркала уставилась бледная изможденная физиономия.

– Глаза у тебя слишком здоровые, – недовольно сказала Мариша. – Нужно темные очки раздобыть.

– В октябре месяце? – нерешительно спросила я. – И потом нас все равно могут попросить снять их.

– Скажем, что глаза болят, мол, обожгли кварцем.

– Каким еще кварцем?

– Ну, хотели немного позагорать, но забыли, что темные очки надевать нужно. Вот и обожгли сетчатку.

– Это бред, – заметила я. – Какой нормальный человек будет сидеть перед кварцевой лампой и таращиться на нее во все глаза, дожидаясь, пока у него сетчатка обуглится?

– Нормальный и не будет, а ты теперь не обычный человек, ты наркоман, запомни, – сказала Мариша. – И я, кстати говоря, тоже. Теперь нам нужно продумать легенду. Что, сколько и с какого времени мы употребляем. Уколы отпадают, разве что изредка.

– Почему?

– «Дорог» у нас на руках нет, – пояснила Мариша. – Любой врач сразу поймет, что мы в жизни не кололись. Значит, так, мы с тобой сначала курили травку, потом подсели на кокаин. А несколько дней назад попробовали героин, и так нас это засосало, что мы испугались.

– Чушь какая-то, – сказала я.

– И верно – чушь, наркоманки так рассуждать не стали бы. Пока есть деньги, кололись бы до упаду. Ну, ничего, героин можно и нюхать, только это дороже выходит. А еще скажем,

что здоровье наше пошатнулось и наши родные хотят отправить нас, пока мы еще живы.

– А можно сказать, что мы задолжали крупную сумму денег и нас преследуют?

– Отлично! – похвалила Мариша. – Я чувствую, что из нас выйдут отличные наркоманки.

То ли сработал грим, то ли в «Ариадне» работали аховые специалисты, но наш обман не разоблачили. Тут мы могли торжествовать победу. От Мишки моя подруга знала, что сама посредническая фирма находится на Невском в помещении, которое делила с туристической фирмой «Транс». Мы уже собрались туда ехать прямо с утра, как внезапно раздался телефонный звонок, избавивший нас от дорогостоящей поездки.

– Межгород, – отметила я. – Интересно, кто это может быть? Может быть, твой муженек?

Но это был не Франц. Звонил Мишка, о котором мы только что вспоминали. Есть все-таки в мире нечто, передавшее ему сигнал, что мы о нем думаем.

– Я в Испании! – в полном упоении вопил он. – Тут у одного пацана мобильник, так он всем дает позвонить. Маришка, ты не поверишь, это просто рай. Стоит тех денег, что я заплатил, а все равно обидно.

– Почему? – спросила Мариша.

– Если бы недельку подождал, то мог бы вполовину де-

шевле поехать. Тут один тип из местных открыл фирму в Выборге, так берет с ребят только за билет, визу и немного себе на расходы. Ну, сообщи нашим, я тебе еще позвоню. Очередь собралась.

– Выборг! – сказала я, когда Мариша пересказала мне содержание телефонного разговора. – А как название фирмы?

К сожалению, этого Мишка нам не сказал.

– Ничего, узнаем в райсовете или кто там у них городом управляет. Выборг город маленький, там все новые фирмы должны быть наперечет. А особенно те, которые только недавно открылись, – предположила я.

В агентстве городской недвижимости четверку бандитов встретили неласково. У них была своя крыша, и чужих наездов там не опасались. Поэтому разговаривали с ребятами не то чтобы непочтительно, но как-то торопливо, всем видом показывая, что раз они ничего не собираются продавать или покупать из недвижимости, то нечего занятых людей от дела отрывать, а нужного агента на месте не находилось, он уехал осматривать несколько загородных объектов, и связаться с ним нельзя. Приходите попозже, авось он вернется, и вы сумеете его застать.

Так повторялось уже несколько раз. Главарию наконец это надоело, и он еще в прошлый визит дал пару тумачков особо презрительно цедящим слова. После этого фирмачи стали повежливей и пошустрей, но дельного все равно сказа-

ли немного. А события между тем набирали обороты, ждать дольше было нельзя. Единственная ниточка привела их сюда, и наконец через четыре часа агент нашелся.

– Квартира была сдана сроком на полгода, – сказал он, порывшись в бумагах. – Господину Кислякову Игорю. А что уж он с ней, в свою очередь, делал, это нам неизвестно. Может быть, сам жил, а может, сдавал. В договоре сказано, что он мог жить только сам, но опять же сказано, что реальный хозяин, а в данном случае хозяйка квартиры, в течение срока договора не имеет права совать нос в свою квартиру. Так что теоретически проверить мог только представитель агентства, если бы последовала жалоба от хозяйки. Но я что-то не вижу никаких упоминаний об этом.

– Адрес Кислякова давай, – сказал ему главарь.

Получив адрес, вся команда покинула офис, оставив агента гадать, что могло потребоваться этим парням от какого-то Кислякова, который, помнится, занимался экспортом не то мяса, не то колбасных изделий и выглядел на редкость замороженным и несчастным. Но долго ломать голову над этой загадкой у агента времени не было, его ждали другие клиенты, да и вообще, какое ему, собственно, дело, если у этого Кислякова неприятности. И он бы благополучно забыл про этот неприятный визит, если бы во второй половине дня к нему не пожаловал по вопросу о той же квартире представитель милиции.

– Кисляков, – с готовностью ответил на вопрос агент. –

Сроком не полгода.

– Ну и память у вас! – восхитился мент. – Это было в апреле, а вы помните, кто и на сколько снял у вашего агентства квартиру.

Получив адрес, мент ушел, а агент по здравом размышлении пришел к выводу, что когда кем-то одновременно интересуются бандиты и милиция, то это не к добру. На всякий случай он почистил свою картотеку, убрав из нее клиентов, фамилии которых могли бы вызвать ненужные вопросы, и, очень довольный собой, сел ждать дальнейших событий, хваля себя за ловкость и хитрость. Недаром его невеста постоянно ему об этом твердит. Через час вернулись бандиты.

– Ты кого нам подсунул? – грозно спросил у него главарь. – Этот хлюпик уже несколько месяцев как числится в розыске. Хапнул денежки со всех счетов фирмы, в которой работал, и был таков. Дома только жена, но она ничего не знает ни о какой квартире.

– Я тут ни при чем, – взвизгнул агент. – Вот бумаги, ознакомьтесь. Именно Кисляков снял квартиру.

От немедленной расправы агента спас приход милиции. Мент тоже не обнаружил господина Кислякова у него дома и тоже решил вернуться и разузнать подробности.

– Ты кому, сраная морда, сдал квартиру? – рычал над ухом у бедняги агента главарь, а милиция в виде исключения во все не торопилась останавливать возможное кровопролитие.

– Скажу! – завизжал агент. – Все скажу. Я сдал ее одному

иностранцу. Кто он и откуда, я не знаю. Честное слово, я не знаю. Он мне заплатил, а я ему отдал ключи. Он был вполне респектабельным господином, во всяком случае, его часы стоили в три раза дороже мебели, что стояла в той квартире, он бы на нее никогда не польстился. Поэтому я и пустил его жить в квартиру без всякого оформления документов.

Главарь в сердцах отвесил ему смачную затрещину, а на словах сказал, что это должно научить парня лучше вести свои дела. И если уж мошенничать, то хоть записывать имена своих сообщников. С этим им и пришлось покинуть агентство.

Мы с Маришей отправились в Выборг на следующий день с самого раннего утра. В администрации города никто ничего не знал про недавно открывшуюся фирму. Обойдя все здание вдоль и поперек, мы приуныли. Сев в маленьком, очень западном по виду кафе, мы принялись глазеть по сторонам. Вокруг гужевались финны, которые явно чувствовали себя тут словно дома.

Как мы могли заметить, город специализировался как база отдыха для туристов из Финляндии, которые понимали отдых весьма своеобразно. Ни в одном другом городе я не видела одновременно столько пьяных финнов, которые бы бродили по улочкам, веселясь и распевая свои народные песни. Было тут множество магазинов, где продавцы говорили исключительно по-фински, и даже пара явно не православ-

ных церквей. Они-то и натолкнули меня на мысль.

– Мариша, – толкнула я в бок свою загрузившую над стаканом сока подругу, – помнишь, ты говорила, что организация, которая принимает наших наркоманов, христианская и благотворительная?

– Ну? – вяло спросила Мариша.

– Вот тебе и ну, надо спрашивать среди священников, – сказала я.

Мы бодро вскочили и принялись объезжать одну церковь за другой. Нам посчастливилось в третьей. На самом деле данная церковь лишь крестами на стенах напоминала церковь, а так была самым обычным, сложенным из кирпича домом. Нас встретил милый бородатый дядечка, который говорил только по-испански и немного по-английски. Оказалось, что это местный священник. То есть не совсем священник, а скорей пастырь, так как священников в нашем смысле слова у западных христиан нет.

С горем пополам мы объяснили ему, кто мы такие и что нам нужно. Но, должно быть, он понял бы все и без слов, так как грим делал нас обоих действительно похожими на наркоманок. Милый бородатый священник в потертых джинсах и ковбойской рубашке нацарапал нам на клочке бумажки какой-то адрес. Потом погладил нас обоих по плечам и произнес что-то в духе того, что к нему нас привел сам господь и теперь с нами все будет хорошо, о нас позаботятся совершенно безвозмездно. При этом он кинул оценивающий взгляд на

Маришин «Опель» и остался доволен.

По данному нам адресу располагался уютный двухэтажный особнячок. На первом этаже находились медицинские кабинеты, а на втором дирекция и секретариат и, должно быть, сейф, где хранились пожертвования. Нас провели в приемную и оставили ждать. Тут оказалось еще трое наркоманов. Так как их привели сюда их маменьки, то мы с Маришей кидали на них высокомерные взгляды, а они на нас несколько подозрительные. Врачи, которые нас осматривали, к счастью, оказались не столь проницательны.

– Давно в последний раз употребляла наркотик? – спросил у меня симпатичный врач.

– Вчера, – бодро ответила я.

– Доза большая?

Вопрос поставил меня в тупик. Про дозу мы с Маришей разговор не вели.

– Около тысячи в день из кошелька вылетало, – сказала я наобум.

По лицу врача было видно, что я попала в точку.

– А стаж?

– Лет пять, – буркнула я.

– Крепкий у тебя организм, – поздравил меня врач. – Пять лет употребляешь наркотики, а разрушений совсем немного.

– Совсем немного? Немного? – словно эхо откликнулась я. – Какие же? – взвизгнула я уже в полный голос.

– Ничего страшного, сейчас мы возьмем кровь на общий

анализ – СПИД, сифилис и гепатиты – и через пару дней все выясним окончательно. Но хочу предупредить, что в последнее время из ста наркоманов мне попался лишь один, который не был бы ВИЧ-инфицирован. В толк не возьму, в чем дело, то ли героин грязный засылают, то ли что. Так что готовьтесь.

Мариша в то время, пока меня осматривали, стояла рядом с нами и обрабатывала врача, рассказывая ему о том, как одна наша подруга недавно отправилась за границу через «Ариадну» и что мы хотели бы оказаться с ней.

– С ней вряд ли, – сказал нам врач. – Там стараются избегать, чтобы в одном доме жили двое русских.

Видя, как у нас вытянулись лица, он добавил:

– А вы что думали, это не развлекательная прогулка, а лечение. Но не переживайте, ведь вы все будете жить в одной стране.

– В какой?

– Как это в какой? В Испании, разумеется, – удивился врач. – Разве вы не знали? О чем же вам ваша подруга рассказывала? «Ариадна» только в Испанию и отправляет ребят и еще на Канарские острова, но они ведь тоже принадлежат Испании.

Следующие пять дней мы с Маришей были по уши загружены хлопотами по оформлению бумаг для выезда в Испанию, получению визы, для чего нужно было везти документы в Москву в консульство, экстренными уроками испанского,

а также обменом на деньги набранных нашими доверчивыми клиентами нумизматических редкостей. Нам повезло: среди них попалась одна копейка чуть ли еще не Ивана Грозного, за которую нам какой-то любитель, трясясь от радости, отвалил столько, сколько мы поимели за всю остальную медь и серебро. В общем, денег нам хватило впритык, но все-таки хватило. Даже удалось сохранить Маришин «Опель» и прихватить с собой по двести баксов.

В один из пяти наших суматошных дней в центре города состоялся разговор. Собственно, разговором его трудно было назвать, так как говорил только один, а остальные в ответ мямлили уже заученные оправдания.

– Болваны и козлы! – бушевал главарь банды, сверля взглядом макушки виновато опущенных голов своих парней. – Ничего нельзя поручить, все испоганите, идиоты. Зачем нам труп этого Федорчука? Какой с этого прок? Вам не говорили, что мертвые никогда и никому своих секретов не выдают? Как этот мертвый шоферюга теперь расскажет нам, куда спрятал ее?

Подчиненные подавленно молчали. Этим они занимались уже давно, второй день, но главарь не унимался.

– Перестарались, Крыса, – повторил один из парней в сотый раз. – Но клянусь, он дышал, когда мы уходили.

– Должны были проверить еще раз и «Скорую» вызвать в случае чего. Вам же ясно было сказано – только припугнуть.

А вы что?

– Не убивали мы его, кто же знал, что он такой дохлый и кинется, – продолжал стоять на своем парень. – По виду нормальный мужик. Мы применили меру воздействия номер один. Он должен был полчаса полежать после нашего ухода и очухаться. И еще ходить мог бы, мы же понимаем, что от него нужно было.

– Там ментов теперь досюда и выше! – снова заорал главарь. – В квартиру и не сунешься. Он был нам нужен живым. А теперь я сам за наши шкуры гроша ломаного не дам. Хозяин ошибок не прощает.

Парни задрожали.

– Не убивали мы его, – взмолились они хором. – Ушли мы, он дышал. Дверь прикрыли и ушли.

– Дверь захлопнули? – спросил главарь.

– Вроде нет, – пожал плечами один из парней. – Точно нет.

– В общем, так, у вас есть срок до завтрашнего вечера, чтобы выяснить, не заходил ли в квартиру после вашего ухода еще кто-нибудь, и если заходил, то найти этого человека и доставить ко мне. Только так вы спасете свои поганые шкуры. Походите среди соседей, спрашивайте. Только ты, Винт, и ты, Фикус, уж не суйтесь в тот дом. По вашим ромам уже наверняка фоторобот составили. Да и остальные – по одному заходите, победней оденьтесь и особенно не светитесь. А если никакого следа не найдется, то вам двоим придется из города свалить. Для вашей же пользы. А гадалку искать бу-

дем по объявлениям. Вот вам газеты, общите все. Не пропустите ни одного телефона.

– Слушаемся, – по-военному ответили парни и нестройной толпой повалили к выходу, что было уже совсем не по-армейски, но зато быстро.

Проводив своих подручных скорбным взглядом, каким обычно смотрят на умственно отсталых, главарь встал и тоже направился к двери. Садясь в свой «Форд», Крыса задумался. Возникшее затруднение было совсем некстати, оно отнимало массу драгоценного времени. А времени сейчас катастрофически не хватало. Тридцати часов в сутки и то было бы мало. Из больницы пришли хорошие новости.

Бедный Мишаня на своей стерильной койке, несмотря на многочисленные капельницы, не выжил. И теперь его часть капитала отходила по наследству вдове. А та, будучи женщиной благоразумной, быстро согласилась с доводами Крысы. А что делать? Бизнес – штука серьезная, если бы вдова вздумала артачиться, то быстро последовала бы за своим мужем. Она это знала и из двух зол выбрала меньшее. В конце концов, не ее дети будут одурманивать себя той отравой, которой собирался торговать Крыса.

Третий совладелец был полностью за открытие дискотеки. Особенно сейчас, когда последнее препятствие к ее открытию в лице обмотанного проводами Мишани исчезло. И нужно было ковать железо, пока горячо, и открывать дискотеку на месте малодоходного бизнеса. Новое предприятие сули-

ло невиданные барыши, так как рынок сбыта наркотиков в районе Крыса полностью контролировал и продажу наркотиков на дискотеке он намеревался осуществлять сам. Не лично сам, разумеется, а через набранных торгашей, но имелось в виду, что делиться прибылью и плясать под чужую дудку, принимая невыгодные расценки, как было бы в другом районе, ему не придется.

Это был шанс, но открытие дискотеки требовало времени, как всякое новое предприятие. Однако, с другой стороны, необходимо было помочь хорошему человеку, которому Крыса был многим обязан и который по вине людей Крысы, а значит, по его вине, влип в полное дерьмо. Выплачивать долги Крыса считал своим святым долгом. Нужно было найти ему эту гадалку, хотя более нелепого занятия Крыса себе представить вряд ли мог.

– Даже не верится, – шепнула мне Мариша, когда мы уже сидели в салоне самолета, который должен доставить нас напрямиком в Барселону.

Мне и самой не верилось. Кроме нас, из России этим рейсом летело еще трое ребят. В аэропорту нас должны были встретить и раскидать по тем местам, где нам предстояло жить. Трое великовозрастных придурков хором мечтали попасть на Канары и убирать там днями и ночами напролет пляжи или разливать коктейли для отдыхающих. И так три года. После чего получить вид на жительство и уже получать

за эту же работенку деньги.

Как бы там ни было, но про наркотики они пока и не вспоминали, слишком много было за прошедшие дни других впечатлений. В центре нам с Маришей предложили пройти курс очистки крови, но мы заверили врачей, что это совершенно излишне. Настаивать они не стали, у них и без нас работы было по горло, так как все остальные клиенты добирались до них в таком состоянии, что краше в гроб кладут.

В полете нам дали холодный кусок жареного мяса с консервированной кукурузой и изумительно черствую булочку, которую стюардессы специально приберегали для нас в течение нескольких месяцев. Пока я сражалась с обедом, Мариша изучала бланк договора. То есть это только так называлось – бланк. На самом деле это был полный расклад того, что можно и чего нельзя нам делать, на десяти страницах.

Выяснив, что нам возбраняется удаляться без сопровождения от нашего будущего места пребывания больше чем на двадцать метров, Мариша приуныла. А запрет относительно сигарет и спиртного окончательно подорвал ее дух. Кроме того, нам нельзя было иметь карманных денег и еще много разных «нельзя». Зато можно изучать испанский с помощью захваченных из дома словарей и местного населения, а также пытаться выбиться в начальство.

Попутно мы выяснили, что руководители христианского центра, занимающегося наркоманами, в прошлом и сами были больны этой дрянью. В этом, конечно, был свой смысл,

так как никто лучше бывшего наркомана не знает, что сейчас нужно его подопечному, чтобы удержаться на шатком верном пути. Именно эти бывшие наркоманы и встретили нас в аэропорту.

– Неплохо они тут устроились! – присвистнула Мариша, увидев, на каких тачках приехали за нами.

На белом «Мерседесе» приехала девушка Маша, единственная говорящая по-русски. Девушкой она была лет двадцать назад, но до сих пор так этого и не осознала, и одевалась она по моде, которая была в ходу у шестнадцатилетних. Впрочем, двое ее спутников, несмотря на седину, были одеты ей под стать. Короткие шортики, майки без рукавов и какие-то плетеные тапочки. Жара стояла страшная. А по местным меркам было скорей прохладно, но нам, которые только несколько часов назад простились с октябрьской сыростью, показалось, что мы попали в кипящее масло.

– Оч-чень рады! – процедила Маша сквозь зубы, и церемония приветствия была закончена.

Двое испанцев – один худой, а второй жирный, – приехавшие с ней на красной «Мазде», оказались более приветливыми. Но так как мы не поняли ни единого слова из их речи, то разницы большой не было. Испанцы принялись делить нас между собой. Так как при этом они пользовались жестами и сыпали названиями, то мы поняли, что нас с Маришей собираются разделить и разослать в разные места. Ее в Сарагосу, а меня в Толедо. Этого еще не хватало! Мало того, что мы

не представляем, где искать Милу, так мы еще и друг друга искать будем.

Мариша мило улыбнулась одному из испанцев и отвела его в сторонку. А оставшийся начал грызться с Машей из-за троих парней. Так как время от времени Маша переходила на русский, а порой на английский (должно быть, ослабленный многолетним приемом наркотиков мозг отказывался запоминать больше сверх необходимого испанских слов), то я получила представление, что карантин у них уже неделю как переполнен. А так как мы выглядим вполне здоровыми, то давайте отправим их к тем, которые прибыли в течение этой недели. Испанец упирался, Маша настаивала.

В это время вернулись Мариша и второй испанец, как-то загадочно улыбающийся и кидающий на меня многозначительные взгляды. К тому времени, как он начал мне заговорщицки подмигивать, намекая на какую-то тайну, в которую его посвятили, я уже все поняла. Я достаточно хорошо знала свою подругу, чтобы представить, что она там наплела про наши с ней отношения. Какая гадость! В жизни не занималась этим ни с одной женщиной, даже если она моя лучшая подруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.